

АЛЕКСАНДР МИНЧЕНКОВ

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Минченков

Золотая жила

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Минченков А. М.

Золотая жила / А. М. Минченков — «ВЕЧЕ»,
2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5656-5

Во второй половине XIX века в золотой кладовой Сибири — приисковой Бодайбинской резиденции на реке Витим, называемой в народе «Угрюм-рекой», — собрались со всей Руси люди разного сословия, одержимые поисками золота. Много прибыло и лихих людей, коварных и нечистых на руку. А на долю честного добытчика Никиты Огородникова и его избранницы выпадают невероятные испытания, удачи и беды, напасти и рискованные авантюры порой на грани жизни и смерти.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5656-5

© Минченков А. М., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	18
5	22
6	26
7	30
8	35
9	38
10	43
11	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Михайлович Минченков

Золотая жила

© Минченков А.М., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

1

Шёл 1863 год. Бескрайняя сибирская тайга. Совсем недавно наступили первые летние дни, однако солнце уже нещадно палило, взамен зимней суровости на земле воцарились теплынь и духота. Разновеликие утёсы и валуны, за день нагретые небесным светилом, после заката отдавали тепло до глубокой ночи. Ягель простирается всюду, копытным животным теперь проще добывать корм, чем зимой из-под снега, вот он – где сухой, где сочный, как болотный мох, покрывший многие площади заросших массивов и скальных поверхностей. Всё, чему предстояло распуститься с приходом тепла, проявилось во всей пышности, виды всевозможной растительности восхищают взор свежестью и палитрой красок. В низинах среди речек под кронами елей и сосен всё же прохладнее, запах хвои висит в воздухе, он словно пары, растворённые в пространстве лесной округи, отдаётся ароматом свежей смолы. Дождей не было несколько дней, но травы и листья берёз и осин выглядят свежо, колыхаются при слабом дуновении ветерка, тому способствуют развитые корни, снабжающие деревья влагой, высасывая её из почвы. Крупное и мелкое зверьё дает о себе знать своим присутствием – местами видны следы и испражнения, изредка слышатся разноголосые звуки пернатых. Они там-сям, никем не тревожимые, перелетают с ветки на ветку, с дерева на дерево, а где пересекают и долину меж гольцами, живут своей жизнью. Сказывается дикая, почти неизведанная местность, далекая от людских дорог и поселений.

А есть места, живности нет вовсе, глухие, никем не хоженные, не слышавшие человеческих голосов, дремучие, пугающие своей таинственностью, вызывающие тревогу и даже страх. И посему здесь нет ни зверей, ни птиц – не обитают, сторонятся угрюмой непредсказуемости, кажущейся присутствием нечистой силы. Поговаривают, в таких дебрях и на болотах водятся лешие и разные злые нечистые силы, это их владения, ревностно охраняемые сатаной, и всякий, кто окажется тут, рискует многим.

Отряд из восьми седоков с десятью лошадьми и двумя оленями продвигался сквозь лесные чащи, временами шли вдоль русел горных речушек, поднимались на гольцы, переваливали, пересекали речки, низины. Гнус донимал людей, они отмахивались, ругая мелкую тварь, а мошка и комары знали своё дело – лезли в глаза, впивались в лицо, шею, руки, старались вволю напиться крови. Да, это как раз те кровососы, которым нужна жидкая плоть, а не те, что пьют росу и нектар. Эта разновидность особая, жаждущая размножаться более активно. Доставалось и животным, отбивались от гнуса хвостами, но это мало помогало. Облегчение наступало, когда путь проходил вдали от болот и марей, по менее заросшим склонам, а на гольцах и вовсе благодать – злой летучей мелочи здесь нет уюта, а если имеется, так её сдувал даже слабый ветерок.

Это одна из очередных поисковых групп, отправленная только что с Олёкминска иркутским купцом Сибиряковым к берегам реки Витима на поиск речушек, предположительно хранящих в своих руслах золото. Первый отряд одновременно с отрядами других купцов мерил вёрсты в бассейне речек других долин ещё девять лет назад, и удача улыбнулась купцу – застолбил один прииск на речке Желтухта в далёкой тайге водораздела реки Лены, назвав его Петро-Павловский. Несколько известных купцов, среди которых Трапезников, Базанов и Катышевцев, так же обнаружили золотоносные пески на иных ключах, зарегистрировали участки, организовали горные работы по добыче драгоценного металла.

Зажиточные магнаты как всполошились, всякий желал найти и другие золотоносные речки, расширить поиски и работы, извлечь сказочную прибыль, число искателей росло из месяца в месяц, из года в год. Народ на труд вербовали всякий, поначалу больше из крестьян с якутских и иркутских земель, а они, прознав о золотых кладах Сибири, бросали свои приленские и витимские сёла и деревни и направлялись за длинным рублём взять куш для зажи-

точной жизни. А молва о богатствах и дальше шла, тем самым привлекая к заработкам всё больше людей с дальних уездов иных губерний.

– Ты, Иван Данилович, человек расторопный, ответственный, наслышан от твоего начальства и сослуживцев и убедился я в твоей обязательности и преданности, сомнений не предвижу, а посему и доверяю, как себе, уж приложи усердие, изучи тот край, где в прошлом году Тарский купец Немчинов подал заявку на отвод в долине речки Бодайбо. Знаком я с ним. Полагаю, Яков Андреевич носом чует – золото там есть, но пока им не найдено. В чём его уверенность, предполагать трудно, но догадка имеется, не напрасно полез он за такие вёрсты, за столь многие перевалы, это ж иной водораздел, но всё же и там воды речек сливаются так же в реку Лену. Не иначе знахарь, какой навёл, видение подал, – говорил Сибиряков казаку Новицкому, своему доверенному лицу, назначив его начальником группы поисковиков.

Сидели вдвоём в номере Гостиного двора, за столом из досок, чисто выскобленным, на столе графин с квасом, вяленая и малосольная рыба, отваренная оленина, нарезанный хлеб, пряники, штоф водки и перья зелёного лука, пара гранёных стаканов и столько же рюмок, подле каждого по тарелке из белого фарфора, вилки из серебра. Обе руки Сибирякова на столе, замкнутые пальцами, пристально глядел в лицо собеседнику. Новицкий весь во внимании, боясь пропустить хоть единое слово.

Сибиряков продолжал:

– В помощники тебе геолог Свиридов Степан Ильич и топограф Карпухин Иван Фёдорович, знаешь обоих, специалисты с опытом и приборами владеют. Их заманил я с местных олёмминских работ горных, всё одно собирались покинуть обедневшие прииски. Деньгами и ружьями снабжу, компасами, буссолью, шагомером и барометром вас обеспечу, в этом надобность нужная, коль обнаружите золотые пласты, так засекуте в абрис, привяжите к карте, а там и застолбить немедля следует. Сам видишь, не только купцы, но и разного рода деловые люди с отрядами рыщут по речкам, многие одержимы розыском золотого песка. Лошадьми, провизией, инструментом, будь покоен, снаряжу, средств не пожалею, главное – дело свершить. Рабочих в Олёкминске сам подбери, людей многих знаешь. В проводники бы кого, но местные якуты или тунгусы вряд ли в тех местах бывали. И всё ж расспросить следует, эти аборигены по всей тайге-матушке перемещаются, что дикое зверьё, как у себя дома, хозяйничают. Может, повезёт, кто и окажется, аль нет – так загляни поодаль в ближайšie стойбища, глядишь, кто и встретится, не скупись, за сопровождение плати, что тунгусы, что якуты от подарков не отказываются. Чай, табак, спирт нагрузим с избытком, но и за зря не раздавай, рачительность во всём проявляй. Бумагу верительную, мною выданную, ты береги от сырости и ветру, кто знает, где и кому из властей покажется потребует, доказать, что не самостийно действуешь, а по законному велению купца Сибирякова.

Сибиряков налил водки в рюмки до полных краёв.

– Добирался я с трудностями до мест здешних, осилив сей путь, с мыслями ознакомиться с горными разработками, водимыми купцами. Убедиться желал воочию в действительности золотых запасов. Побывал, смотрел, не шибко дивился – не такие уж они и богатые золотом. Но золотишко имеется на Олёкминском водоразделе, факт неоспоримый. Отсюда и тяга душевная моя усилилась – искать куда более злачные долины. Тайга сильна реками с их притоками, где-то да скрыт имя металл жёлтый. Хранят! А посему покою и не дают. Знаю, на сею затею придётся немало средств спустить. Ежели понапрасну – обиду снести придётся, а коль откроем клады несметные, так всё окуплю с лихвой. Вот так как-то разумею, разлюбезный Иван Данилович. На тебя и держу ставку, не подведи, в большие люди выведу при должном исходе.

Сибиряков замолчал, задумался, о чём только ему известно, но мысли его прервал казак.

– Чудное название речки – Бодайбо, – заметил Новицкий, оглядывая стол с едой, сглотнул слюну, будучи проголодавшимся от только что покрытых им нескольких вёрст от ближнего

поселения. По делам ездил, а вернулся, так сразу и был приглашён посыльным в Гостинный дом, предупредили: сам купец Сибиряков Михаил Александрович его дожидается.

– Чудное заглавие, – повторил купец, – и со смыслом. То ли люди Немчинова, то ли посланцы иных именитых купцов ранее этакое название дали. От слетевших с их уст слов: «Поддай бог» изошло, в надежде в поисках золотых самородков в этой речке и её ключах, однако пока не осчастливил Господь никого, так дай бог вам удачи. А вот название к речке пристало, внесено в губернскую картографию, а то и Российскойскую.

Сибиряков поднял рюмку, глянул на прозрачность её содержимого и произнёс:

– Не будет греха испить про намеченное дело, что задумано, дай бог, чтоб сбылось, исполнилось, – опрокинул рюмку в рот, смачно крякнул и взялся закусывать.

Новицкий не промедлил, тоже выпил, чуть сморщился от горечи, для начала поднёс хлеб к носу, занюхал, скромно откусил и продолжал держать хлеб в руке, поглядывая на рыбу – то ли вяленого хариуса взять, то ли кусок малосоленного ленка.

– Ты, Иван Данилович, не скромничай, заедай без стеснения. Стол не боярский, но сытный. Свершим дело, вот тогда уже отпразднуем застольем знатным.

– Михаил Александрович, а известно ли вам, каким путём отряд Немчинова добирался до речки Бодайбо? – любопытствовал Новицкий, осмелев от доброты купца и его поддержки.

– Вроде как из Иркутска до Жигалова лошаадьми, а далее по рекам Лене и Витиму на стругах, по воде преодолели тысяча триста, а может, тысяча четыреста вёрст на судне.

– Это ж сколь пришлось им грести вёслами, боже мой! – удивился казак, щёки от принятого алкоголя порозовели, и ел с аппетитом.

– Немало, путь неблизкий, долгий, где-то и паруса помогали, – согласился Сибиряков, прожевав кусочек мяса, запил квасом. – Вам же предстоит куда меньший, но глухой, нехоженой тайгой, – многозначительно поднял указательный палец правой руки.

Сидели около двух с половиной часов. Выпили ещё по одной рюмке, закусывали, пили крепко заваренный чай с сахаром и пряниками, поговорили о деталях затеянного, на том и распрощались до следующего разговора.

Новицкому повезло, нашёл он проводника, да ещё как повезло! Им оказался якут Байбал, но и отзывался на Пашку, вероятно, это перевод его имени на русский лад, правильно сказать – Павел. С виду возрастом пять десятков лет, ростом невысокий, степенный, суету не приемлет. Долго уговаривать не пришлось, услышал про «огненную воду», табак и чай, деньги показали, глаза загорелись, и, не откладывая, готов был оставить семью и отправиться в путь. Жена с сыном за стадом оленей присмотрят, им это не в тягость, добротный чум имеется, оленей немного, так что управятся, оно и пара собак в помощь.

Пашка-якут показал кусок бересты, на ней нацарапаны линии речушек, тропы среди гольцов до самой большой реки Витим. Береста замызганная, но рисованные линии чёткие. В устье речки Бодайбо, впадающей в эту реку, живут сородичи, отсюда он продолжил своё переселение, таёжный переход отобразил писалом на бересте, указав приметы местности, кто знает, возможно, придётся вновь посетить тамошние края. А оно так и вышло, только не по своей нужде, а по просьбе русских, потерявших покой из-за поисков золота в таёжных долинах.

Ранее якуты и тунгусы с опаской, с недоверием относились к разведчикам жёлтого металла и золотистого песка, местных же аборигенов это не прельщало. И не знали, как с ними поступать, хотя и случалось находить в речках. Необычные с виду тяжеловатые камушки, ну, блестят и блестят, что с того проку, никакой потребности, где их применить, коль кругом тайга необъятная? О ценности же их не знали, да и откуда им было знать, коль грамоте никто не учил, газет не читали, жили лишь заложенным предками промыслом. Но, не видя в русских угрозы или беды какой, смирились, к тому ж кто зажиточный или с доброй душой угощали водкой, табаком и разной неведомой снедью. Слухи ходили: муку, зерно, сахар, соль и даже оружие с порохом и свинцовыми зарядами желают завоз организовать, коль золота в достатке

обнаружат, так будет на что пушнину менять, отпадёт нужда возить на сбыт за многие вёрсты. Предлагали деньги за мясо оленя и рыбу, так отказывались, что с медными и серебряными монетами в тайге делать, ничего не купишь, так брали товаром. Оно конечно русские люди разбудили урман своим присутствием – поисковыми и горными работами, пришлось сдвинуться в глубину тайги, на зверье не отразилось, полно пушнины и рыба в избытке, так что на промысел жаловаться не приходилось.

Свиридов и Карпухин знали направление предстоящего маршрута, имелась обзорная карта района и самого русла Бодайбо их воодушевила имевшаяся у проводника своеобразная карта, какая-никакая, но всё же мало-мальский путеводитель имеется, а к ней и живой человек, побывавший на русле Бодайбо, знакомый с глухой, неизведанной им местностью. Обговорив жалованье, оба заверили Сибирякова: «Михаил Александрович, дело для нас не ново, а посему и не подведём. Коль золото вскрыто в олёмкинских речках, так оно и в витимских ручьях природой представлено. Полагаем, речной водораздел Лены уж непременно всюду с золотоносными песками однообразен. Ну, не может быть иначе, с пристрастием пробы промывать будем...» «Оно и ладно, так и поезжайте с Богом, да держитесь сообща с начальником отряда Новицким, тайга, сами ведаете, осторожности требует. А доведётся повстречаться с людьми Немчинова или самим купцом, так в словах не распространяйтесь, ни к чему, молчком дела верстайте, а настоятельно интересоваться примется, так отвечайте витиевато», – наставлял купец, пожимая Свиридову и Карпухину руки.

Подобрать четверых рабочих оказалось легко, нашлись желающие, хоть и сложный предстоял переход, но быть в сытости и получить деньги за труд при проходке шурфов привлекло. Согласились, оставив тяжкий труд кайлить и промывать породу с утра до заката за скудные харчи и безденежье на не особо богатых золотом породах, найденных на ключах Олёкмы. Скупались некие новоявленные золотопромышленники на оплату, больше обещания излагали, но и те выдавали мизерными медяками и серебряниками по окончании добычного сезона. Кто уходил от таких хозяев, к другим переходили, а кто покидал и вовсе горные разработки, разуверившись в обещанных купцами золотых горах, несметных богатствах и зажиточности. Но всё же среди отчаявшихся старателей были и терпеливые, жившие стремлением скрыть при случае найденный самородок, а это и становилось надеждой и смыслом дальнейшей безбедной жизни.

Все четверо рабочих: Никита Огородников, Илья Федусов, Кирилл Парамонов и Пётр Крапивин – старатели, по два года провели на горных разработках, заработав больше мозолей на руках, чем обещанных целковых. Оттого и обрадовались предложению Новицкого пойти с отрядом в новые поиски, знали, купец Сибиряков не обманет, а золото найдут, так к нему в работники и подадутся. Всё ж личность значимая – член городской думы и занимался благотворительностью.

В голове каравана якут. Байбал ехал на олене, на привязи за ним второй с вьюком. Следом Новицкий, с лошадьми гружёнными инструментами и провизией, за ними топограф и геолог, замыкали по цепочке один за другим рабочие. Ружья были у Байбала, Новицкого, Свиридова и Карпухина, они на ремнях через плечи, седоки покачивались в сёдлах, и стволы маячили в такт движению, иной раз цеплялись за ветви деревьев, листву, но это не мешало продвижению.

А перед началом дороги Новицкий заверил с жаром Сибирякова:

– Не сомневайтесь, Михаил Александрович, живота не пожалею, но приложу силы во исполнение вашего наказа и доверенность оправдаю по совести. Не подведу и слово даю твёрдое.

Широко перекрестился, прямо глядя в лицо купцу.

– Рад слышать и не выношу сомнений в том. Себя и команду береги. – Сибиряков поднял руку и махнул ею со словами:

– Помогай вам Бог...

А как отряд двинулся, Сибиряков крестным знаменем проводил ездových, прошептав что-то.

2

– Однаха нада ити до Чара, речка большой, пока солнце до горы, переправиться нада, – наставлял Байбал, оборачиваясь к спутникам.

– Сколько пути до речки? – спросил Новицкий.

– Пока солнце до горы, день однаха.

– Если б местами не мшистая почва с камнями да заросли, так ход был бы быстрее, а так оно как уж есть. И так, слава богу, темп держим, знать, до Чары чуть боле шести десятков вёрст, – заметил Свиридов.

Где-то на полпути минули озеро, спугнули стаю уток, они с недовольным кряканьем поднялись с воды, сделали круг и снова сели, но уже на другой стороне заводи и поплыли к камышам. Якут назвал озеро Тонгус-Куэль.

Карпухин не мог смолчать и отметил:

– Всем речушкам и рекам в Сибири эвенки и тунгусы с якутами выдумали, а уж этому озеру название точно тунгус какой дал, оно и пристало. Прислушайтесь, каково сочетание – Тонгус!

– Да, названий мудрёных хватает, в век не определить русскому человеку значение каждого слова, – согласился Новицкий.

Пейзаж тайги не особо менялся, однообразен. Тайга, она и есть тайга, с её могучими и не очень хвойными стволами, лиственными деревьями берёз и осины, ольхи и кустарниками, временами скальными выступами и отвесными утёсами, а где и болотами, марями.

Отряд преодолел хребты междуречья Агаран и Чайдак, перешли речку Кыра-Онкучах и где-то через три версты оказались на Чаре. Нашли разлив, где мелководье, переправились. Освободили животных от груза и принялись готовиться к ужину и сну, следовало накормить и напоить лошадей и оленей, благо рядом кормов много, а воды ещё более, особо в ключах, чистая и студёная.

Пока члены отряда разжигали огонь, готовили подстилки из веток к ночлегу, заготавливали сухостой для ночного костра, Байбал проявил сноровку и поймал несколько рыбин. Он словно чудодеев, явившись из прибрежных кустов, выложил перед путниками четыре крупных ленка.

– Шибка хороший речка, шибка многа рыба, – улыбался довольный якут и взялся ножом потрошить улов. Делал он это умело, видать, сноровка, приобретённая с годами, научила разделять не только рыбу, но и разного вида живность. К чему приобщён человек сызмальства, в том и показателен.

Тут же один из рабочих налил воды в котелок, и вскоре рыба определилась для варки супа, добавили белой крупы, посолили, и аромат свежей рыбы смешался с дымом костра.

– Надо ж сорочинское зерно, и в суп и в кашу годно. Наше зерно пшеницы или ржи жевать можно, а об это зубы сотрёшь, только варить надобно, – высказался Парамонов, неспешно помешивая ложкой в котелке варево. – Откель же енто зерно взялось? На Руси издревле оно не выращивалось.

– Не выращивали. С Китая завезли, тамошняя родина белого риса, – пояснил Свиридов. – А в ухе так продукт незаменимый, вкус бульону особый придаёт, навар знатный.

Когда все насытились, нахвалив похлёбку и вкус рыбы, расположились вокруг костра, коего мошка пугалась и не подлетала. Положили пару крупных сухих лесин, их ночью можно подвигать, не позволяя затухать пламени. Огонь в тайге – это тепло и сторож незаменимый – любой хищник стороной обойдёт, пугается, а потому и не тронет человека.

Кто любитель табака, курили, каждого напрягала неизведанная дорога и что ждёт впереди. Преодолеть нелёгкий путь – это одно, а что оно даст, к чему приведёт? Открыть золото – это не отомкнуть замок амбара, отворить ворота, войти и взять его в сусеке, нет, тут поиск

по речкам и их долинам, какой он будет тяжким и длинным или лёгким и быстрым и будет ли оно найдено? Нет пока на то ответа, а оттого и кидает в неизвестность и сомнения. Однако надежды никто в сторону не откидывал, берёг и уповал на везучесть.

Утро второго дня выдалось безоблачным, тёплым, но комарё не дремало – противно зудели писком и надо было ждать, в какое место воткнёт какой кровопийца свой тонкий хоботок.

– Махонькие, а какие же, твари, кусачие! – возмутился Новицкий, захлестнув ладошкой на шею очередного комара.

– Что ж ты хочешь, Иван Данилович, живут эти твари полтора месяца, оттого и злобу проявляют. За короткую жизнь и спешат жидкой плоти напиться, гнушаться над людьми, – улыбался Свиридов, тоже, как и все, отбиваясь от надоедливых насекомых. – В огонь скорее надо бы пихтовых веток подкинуть – отпугивать дымом окаянных, заморить смрадом, а не то позавтракать не дадут.

– Смотрю, проводника не трогают, иль внимания на них не обращает, – удивлялся Карпухин.

Байбал слушал и махнул рукой:

– Моя комар не трогает, комар сама себе, моя – сама себе.

В путь тронулись вновь. Животные, отдохнув за ночь, сытые и напившись воды, несли нелёгкую ношу с лёгкостью, и это накладывало у путников бодрое настроение.

Байбал изредка легонько обеими ногами подгонял по бокам оленя, что-то шептал, то ли напевал под нос, слов разобрать никто не мог, не понять, ведь бормотал на своём языке. Каждый ездовой размышлял о своём, перечитывал в уме сложившуюся жизнь...

Пересекли речку Кыра-Кенди, после чего в основном продвигались верхами гольцов по грядам сопков, откуда брали своё начало речки и ключи. Достигнув верховья речки Амбердак, пришлось пересекать мари и идти меж озёр, вышли вновь на Чару, это верхнее её течение. Тут она мельче, но всё же и здесь показывала свою силу.

– Это же какую дугу по тайге образовало русло, какова же длиннющая речная долина! За целый световой день мы достигли верховья речки, и это, по сути, всего лишь её середина течения от истока! – восхищался Карпухин, отмечая на своих картах азимуты и визуальные ориентиры течения Чары и речушек, впадающих в неё. Уточнение местности было для него важным, впоследствии, по завершении экспедиции и возвращении на Большую землю, сравнит с имеющейся государственной картографией.

– Сдаётся мне, и даже утверждаюсь, глядя на валуны и скальные проявления, не морские воды сделали их такими гладкими. Нет, не воды больших океанов и потоков, это же горная страна, высокогорье, а посему только ледники могли совершить этакое чудо, только древние ледники и столетия, – выразил вслух свои предположения Свиридов.

– Не знаю, не знаю, Степан Ильич, вы геолог, вам и видней, по породам возражать не могу, не осведомлён об их свойствах. Так, общее представление о них имею, – отозвался Карпухин.

Отряд вступил на марь, она местами болотистая, так что путь приходилось выбирать с наиболее безопасной поверхностью.

Если Байбал с оленями продвигался с меньшими трудностями, то лошади с седоками и грузом тяжелее ступали по обводнённой предательской почве. И всё наверняка обошлось бы без помех, если бы не случилась кошмарная неприятность.

Спугнутая неведомая крупная птица, сидевшая на кочке, издала резкий крик и громко хлопнула крыльями, поднялась и улетела, отчего одна из лошадей с вьюками шарахнулась в сторону и тут же завязла по брюхо в жидкой трясине, оказавшейся скрытой предательской ямой. Привязь, что связывала её с предыдущей лошастью, натянулась.

Все бросились вызволять животное. Тянули за узду, цеплялись за передние ноги, пытались дотянуться до крупы, вцепиться в подпругу. Но всё тщетно, трясина коня затягивала глубже.

– Пряжки под брюхом, их не расстегнуть, так что режьте подпруги, снимайте тюки! Облегчить животину след! – распорядился Новицкий, и рабочие незамедлительно ножами перерезали лямки, стащили с лошади груз, оттащили поодаль.

– Узду не трогать! Тянуть за неё будем лошадью и сами подсоблять, а не то затянет коня в болото! – продолжал командовать Новицкий. Лицом раскраснелся, на лбу выступил пот, стёр его рукавом, переживал, как бы отвести беду – спасти бедное животное. Если не спасти, то тяжесть груза ляжет на других животных.

Лошадь и сама старалась выбраться, но силы покидали, и она временами замирала, набиралась духу, а как ощущала новый прилив энергии, снова устремляла телодвижение выбраться из плена.

Вероятно, задние ноги достигли дна жижи, скорее опёрлись на вечную мерзлоту, ещё не отошедшую, и это позволило бедному животному упереться и более активно работать всеми четырьмя ногами. Передние ноги хватали край пагубной ямины, лошадь ломилась спастись, тараша испуганно глаза, неистово фыркала, тяжело дышала. Из последних сил, толчок за толчком, а тут и другая лошадиная тяга за узду, и людская помощь руками, наконец-то вызволили из трясины бедолагу.

– Моя думала, утонет, моя плохо, думала, кончится, – довольный удачным исходом говорил Байбал, положив руку на круп измученной лошади. – Дальше ити незя, конь отдых нада.

Путники согласились с проводником. Лошадь измучилась, сами устали, да и вечерело. Выбрались на сухое место, разгрузились, следовало развести костёр, просушить, что намокло в тюках, отремонтировать подпругу, приготовить ужин и устроиться на ночлег. Следовало отмыть и лошадь от налипшей грязи, не дело – оставлять животное в таком виде, после помывки к тому же облегчение обретёт.

Ночь прошла без приключений, не слышали шорохов и звериного присутствия, только две совы тревожили сон – несколько раз оглушали темноту то уханьем, то свистом с шипением, а то лающими звуками.

– Вот уж птица особливая, день спит, а ночью охотится, но зачем же кричит жутким голосом? – удивлялся, как проснулся, Крапивин.

Ему вторил Огородников:

– Да уж, волосы на голове дыбом встают, вопит, как демон.

– Не любит сова чужих, мы для неё пришлые, вот и проявляет недовольство, – просветил Свиридов. – Наверное, в беспокойстве, что мы посягаем на её добычу, коей питается – грызунами разного вида, а иные экземпляры и с зайцами справляются. Охотники те ещё, скрытные и бесшумные, и не услышишь, как над головой пролетит. А ежели напасть вздумает, так норовит в лицо клонуть, глаза выцарапать.

– А чего, у нас в деревне с имя люди, бывало, печально встречались, – встрепенулся Федусов. – Не раз слышал, как на человека нападали.

– Да ну, Илья, скажешь тоже про такое, то ж быть не может, – возразил Крапивин, замахал на него руками.

– А вот и может, – стоял на своём Федусов. – С охотниками случаи бывали. Манком манят, какую живность, зайца или дичь, так сова и налетала, случалось, и голову за добычу признавали, так и лоб прикрыть не успевали. Вот так, не вру, правду рассказывали.

– Есть, есть такое, особо, если рядом с её выводком окажешься, а то и разорить гнездо кто взялся, так в таком разе насмерть птица в битве стоять будет.

– Надо же, что родитель за дитя стоит, значится... – удивился сказанному Крапивин, да и все остальные. – Выходит, спать ночью, голову-то прятать надобно от греха подальше.

– Надобно, Петро, надобно, особо коль засопишь или захрапишь привлекательным для совы звуком, – заулыбался Федусов, довольный, что убедил Крапивина и получил поддержку Свиридова.

3

Очередной день пути, как, впрочем, и последующий, ничем не были омрачены. Шли всё новыми долинами, перевалами, прокладывали тропы, открывая для себя неизведанные кем-либо доселе места, держа направление на юго-запад, так уж следовало держаться начертанию на берестяной коре, да и Карпухин по компасу сверялся со своей картой. Имевшаяся карта без подробностей, но давала обзор, общее представление о крупных реках и её больших притоках. Мелкие преодолеваемые речки и ключи Карпухин наносил на карту, и это уже более детально позволяло вырисовывать и видеть картину таёжного пространства.

Если ночь третьего дня прошла на речке Тутукан, это где-то в отдалённости за сто восемьдесят вёрст, но четвёртая ночь оказалась чуть ли не на половине пути всего намеченного путешествия. Пересекли речку Чалынка, а достигнув речки Кудукан, разбили лагерь для ночлега.

Ночь оказалась сумбурной, с недосыпом, от поднявшегося ветра качало стволы деревьев, иные скрипели, стонали, другие свистели берестой, шумели листвой, охало и ухало, огонь костра бросало из стороны в сторону, пригибало к земле, того и гляди какой язык пламени лизнёт путника или схватится за сухие ветки, приготовленные для поддержания очага. Опасность возгорания тайги заставила убавить пыл костра, принизить его жар. Поочерёдно поднимались, осматривались, дабы не допустить беды, ждали рассвета.

И утро наступило.

– Видел ветра, но что б так, впервые, благо мы все в здоровье справном, а будь человек худосочный, так снесёт и стащит куда не следует, помнёт в момент, – удивлялся Огородников. – Это ж надо какова мощь, стволы елей косо клонит, того и гляди сломает дерево.

При этом руками и телом изображал как умел мощь воздушной стихии.

– Чего там, то ещё не ветер, вот у нас, на амурской земле, бывало, ураганы поднимались, так деревья с корнями вырывало, идти невозможно, сносит человека супротив воли, хоть змеёй ползи, а оно всё одно сносит, – заметил Парамонов.

Задумался, по нему было заметно, вспомнил свои родные места, родных, близких, рукой провёл по затылку, скользнул ею по щеке и бороде.

– Чего ж тебя, Кирилл, с тех краёв сюда забросило, не уж буря занесла? – ухмыльнулся Новицкий.

– Жизни лучшей захотелось, вот и покинул дом родительский, прослышав про самородки сибирские. Всяк человек в поисках, одержимость в головах витает, вот и я туда же. А оно и все мы тут надежду желанную питаем. Повезёт, может, найдём речку золотую, поймаем удачу обеими руками, так и судьбу свою поправим. Нужда в том больно назрела, уж как назрела, выразить не знаю как. – Парамонов хлопнул обеими руками по коленям.

– Дай бог найти, – вздохнул Новицкий. – И Сибиряков был бы доволен, уж как был бы рад, и нас в накладе не оставил, извлекли бы выгоду, приложим старание – и станется всем в прок, непременно станется, – обвёл всех взглядом, чтобы найти в каждом взгляде надежду и одобрение.

– На всё воля Господня, а вот возьмёт и ниспошлёт удачу... – мечтательно промолвил Парамонов.

Все промолчали, но, видать, согласились с Новицким и Парамоновым и так же, как и они, окунулись в мечты открыть на далёкой новой речке золотые пески.

Однако наряду с заветной мечтой в голове Парамонова витала и родная земля, вслух и заговорил о ней:

– А леса-то у нас не такие, не схожи со здешними, куда богаче и бескрайнее, без гольцов. И кедр крупный и сосны могучие, чёрной ёлки великое множество, что в Сибири пихтой зна-

чится, орехов тьма. А зверь-то, зверь особенный – лоси и тигры, куницы, соболя отменные, фазаны водятся.

– Фазаны, говоришь, сам-то их видал или мясо есть пробовал, каково оно? – спросил Федусов.

– А то, мясо нечета глухарю и пользительное, а разновидностей ажно несколько. Неблизко от поселений, правда, водятся, да и охота за ними своеобразная. Сам не ловил, отец всё больше промышлял, охотник заядлый был, с пристрастием леса ногами мерил, кое-чему и меня учил.

– А почто изрёк, был, помер, что ли?

Парамонов опустил глаза, уперев их на носки обуви, вздохнул и ответил:

– Тигр задрал... Не дожил батя свой век по положенному для человека сроку, дикий зверь его жизнь остановил...

– Это как же так приключилось? – Огородников глянул на Парамонова, ждал, что тот ответит, обратили внимание на вопрос и все остальные.

– Пошёл-то один, без напарника и не на тигра вид имел, а на птицу, вот на этого фазана, будь он неладен. Два дня ждали, не возвращался, худое заподозрили. Отправились трое охотников, и я с ними в предполагаемое место, и нашли быстро, вот только тело порвано напрочь, особо горло разодрано, кровища – глядеть страшно. Куда там до села нести, тут и похоронили, сверху камнями заложили. Не сожрал тигр тело, оставил и ушёл. Так по следу за ним целый день ходили, выследили и убили мужики его. А как разглядывать начали, так понятно, в чём причина, почему напал на отца – ранее кто-то его ранил, и крепко шкуру подпортил, вот и затаил злобу на человека, ожесточился. Обычно зверь не кидается, пройдёт мимо человека, главное – ему боязнь не выказывать, а побежишь, так разом бросится. Ты его не трогаешь, спину не кажешь, так и он смиренность и осторожность проявит. А тут так вот, желчь затаённую на отце выместил...

– Всё крупное зверьё таковое. Вот и медведя нашего таёжного взять, так и он озлобляется, если поперёк жизни его пойдёшь, – заметил Огородников.

– Не нада медведь говорит, ты говорит, я говорит, медведь пришла, не нада говорит, – встревожился Байбал, замахал руками, призывая тем самым не поминать таёжного зверя.

– Чего проводник всполошился? – удивился Федусов.

– Якут предостерегает, если про медведя вслух вспоминать, встретиться может, беду накличем, видать, так, по их поверьям, выходит, – пояснил Карпухин.

– Бред какой-то. Медведь же не дурак, не пойдёт супротив людей с ружьями. Нужна ему припарка, выдумки всё это, – успокаивал Федусов себя и других.

Байбал глянул на Федусова, неодобрительно закачал головой.

Завтракали молча. Кто размышлял, представляя трагедию, произошедшую с отцом Парамонова, гибель от когтей тигра – страшная смерть, это ж какую боль и муки пришлось вынести, а некоторые задумались, правдивы или пустые слова якута по поводу хозяина тайги, с коим свидание никак не желательно – всякого нрава встречаются.

И ведь надо тому подтвердить, на пятый день, к вечеру, как подошли к речке Нечора, топтыгин дал о себе знать. Шёл он по следу за караваном несколько часов, продвигался с осторожностью, ничем не выдавал себя.

– Чего моя говорила, чего не слушал, пришла зверь, злой пришла, хитрый пришла, – недовольно сокрушался Байбал.

Расположившись на привал у речки, вот тут-то ближе и приметили медведя. Стоял поодаль на не достигаемом для выстрела расстоянии, наблюдал за людьми и животными, прислушивался к голосам, сам не издавая ни звука. Выдавал себя поведением – он не оставит отряд без внимания, готов преследовать, пока не улучит момент поживиться кем-либо. Явно голод тому причиной.

Байбал с первого взгляда определил – это шатун, не залёг прошлой осенью в спячку и теперь готов напасть.

– Моя говорил, не нада говорил медведь, пришла медведь, нехороший пришла, вах-вах... – Якут качал головой и поклонился в сторону зверя, с сожалением произнёс: – Тоин, иди, однаха, домой, Байбал стрелять будет. Тут Байбал хозяин, ты там хозяин. – Якут махнул рукой в сторону распадка.

– Скрасть и убить, иначе подстережёт и задавит кого. Зверь лютый, покою не даст ни днём ни ночью, – произнёс Новицкий.

Шатун будто услышал опасный для него приговор и отступил на несколько сажень, не теряя из виду таёжных гостей. Даже на почтительном расстоянии он внушал страх, его присутствие внесло гнетущее настроение, настораживало, теперь не предвещало ничего доброго.

– Придётся задержаться, подкараулить злодея, истребить, иначе по пятам так и будет топтать, пока своего не добьётся, – продолжал рассуждать Новицкий, и с ним нельзя было не согласиться.

– Время потратим, – вздохнул Карпухин и присел на взятую лишайником лесину. Лесина чуток прогнулась, скрипнула, почувствовался её вековой возраст.

– Иного выхода нет, более ничего не выдумать, хуже окажется, если лошади или оленя лишимся, а то и из нас кого подловит, порвёт, имени не спросивши, – поддержал Свиридов Новицкого.

– Такой факт может случиться, голод возьмёт своё, оно и на пролом ринется, не взирая на многочисленность нашу, – вставил своё слово Парамонов.

Байбал что-то недовольно бормотал по-своему, слов не разобрать, взял в руки ружьё, осмотрел его, перебрал заряды, каждый патрон и особо капсули обтирал рукавом, шурил глаза, размышлял, поглядывая в сторону медведя.

4

Путь продолжали, постоянно оглядывались, выбирали более открытые складки местности. Если вынуждены были войти в заросли, шли скученно, шумели, отпугивая настырного преследователя, не позволяя ему приблизиться. Такое путешествие под скрытым медвежьим приглядом вызывало беспокойство, перешедшее в раздражительность. Только Байбал не выдавал слабости нервов, проявлял сдержанность, косил взгляд в сторону таёжного сопровождающего, ищущего удобный момент напасть на кого-либо. Якут настороже держал ружьё, готов был при надобности сделать меткий выстрел. Ему, прожившему в тайге не один десяток лет, происходящее не в диковину, а здесь случай особый, отчего проявлял завидную бдительность.

– Нет, так продвигаться далее невозможно, не знаешь, в каком месте возникнет неприятность, – не выдержал накала беспокойства Новицкий. – Поверьте, не из-за трусости глаголю, не того я склада характером, а не от предсказуемости, ни доброй дороги, ни надлежашего отдыха.

Новицкий время от времени осматривался, приглядывался, стараясь разглядеть через чащу скрываемого виновника всеобщего беспокойства.

– Ваша правда, Иван Данилович, о том же мысли донимают, – подхватил Свиридов.

Все, кроме Байбала, закивали головами, на лицах выражение напряжённости, усталость, просившая сна.

Наконец Байбал озвучил свои думы:

– До речки Жуя дойдём, там Байбал положит медведя, однохо терпеть нада, спать незя, идти до Жуя, там найдёт медведь погибу.

Группа приободрилась, но до речки Жуя ещё нужно дойти, а головы от недосыпа, словно чугунные, сами собой клонились набок.

К ночи облюбовали широкую поляну, с её окраины натаскали хвороста и сухостоя, запасли травы и ягеля для животных. Лошадей и оленей – на привязь и занялись разведением огня и приготовлением пищи.

Развели четыре костра, обозначив солидный квадрат, внутри которого и люди и животные. В центре пятый костёр – очаг с таганом для варки еды. Свет огня освещал пространства, способствовал наблюдению за происходящим на подступах к поляне, а главное – вселял уверенность, что пламя костров вселит страх в шатуна, теперь только не задремать и вести постоянный пригляд.

Всю ночь поддерживали огонь, подбадривали друг друга, коротали время, рассказывая всякие небылицы и забавные байки, говорили о былом и нынешнем бытии, старались отогнать сонливость и держаться постоянно начеку.

Этой ночью понемногу узнали друг о друге, кто, откуда родом, как оказался на Лене, какова судьба предков, имеются ли жёны, дети... Ночь хоть и недлинная, но позволила в меру ознакомиться с краткой житейской историей каждого, кроме Байбала. Тот молчал и слушал, о чём говорят, курил табак, то и дело бросал взгляды за границы освещаемой опушки.

Рассвет встретили с большим недосыпом, но восторженно. Позавтракали. В путь тронулись не мешкая, не терпелось быстрее достичь Жуи. Если верить Байбалу, там ожидали избавление от свирепого и неотвязного шатуна и безмятежный отдых.

Почему Байбал был так уверен, что на Жуе медведь найдёт свою гибель, никто об этом его не спрашивал, ни к чему – коли говорит, значит, так и будет, он местный, тайга – его дом, всё ему в ней ведомо и понятно до мелочей. Это что для хозяина у себя в избе, знает, где что лежит и в каком состоянии.

К исходу светового дня добрались до речки. Жуя местами с широкими берегами, течёт неспешно, множество уловов, местами суженая, быстротечная, зажата скальными прижимами, их приходится объезжать или идти пешком, ведя животных за поводья.

Перед одним из таких прижимов Байбал остановил оленя, слез с него, поправил на плече ружьё и изрёк:

– Вы, одноха, ежайте, назад не смотри, Байбал тут медведь ждать будет. Полверсты ежайте и станете.

– Понимаю, в засаде решил остаться? Давай-ка в помощь тебе с коня сойду, а то как бы вызволять из беды тебя не пришлось, – предложил Новицкий, меряя настороженным взглядом проводника.

– Незя, Байбал один медведь ждать будет. Оленей мой за собой бери.

Новицкий раздумывал с минуту, оценив хватку проводника, спорить не стал, ответил:

– Ну, гляди, Байбал, как знаешь. Удачи тебе.

Оленьи поводки на привязь к лошадям – и отряд тронулся мимо скального прижима вдоль русла.

Проводник не смотрел вслед удалявшимся путникам, он со сноровкой ступал по скальным плитам в оленьих торбасах, прежде с усердием натерев подошвы и голенища травой. Понятно – сойти в сторону с тропы людей и животных, не оставив своего запаха, дабы не насторожить шатуна в его затянувшемся коварном преследовании.

Байбал облюбовал место засады. Ею оказалась расщелина, служившая надёжным скрытым укрытием – сюда ветерок не заглядывал и посему не мог донести до зверя запах человека, а идеальный обзор позволял вести наблюдение от прижима до берега, по которому только что проследовал отряд.

Долго ждать не пришлось. Медведь появился из-за поворота реки, осматривался, прислушивался и продолжал шагать, часто припадая носом к тропе, шумно втягивал в себя воздух. Так он продвинулся почти до укрытия охотника. По зверю было видно, его неосторожность спала, а донимал нестерпимый голод. Это он его торопил за отрядом. Хозяин тайги из опыта знал, чем больше стадо животных, тем больше шансов настичь копытного. А преследуемую им вереницу лошадей с оленями и людьми, к тому жедвигающуюся неспешно, его ещё более привлекало – настанет момент и какая-либо особь или человек совершит оплошность – и останется только внезапно схватить жертву.

Медведь поравнялся с расщелиной, мотнул головой, шумно втянул ноздрями воздух и, не почуяв подозрительного запаха, пристально замер, к чему-то прислушиваясь.

Этого мгновения хватило Байбалу – он уже на подходе держал шатуна на мушке, нажал на курок, прогремел выстрел, и зверь тут же издал предсмертный хрип. Завалился на бок, замотал истошно головой, лапами – пытался встать, но силы покинули, и через пару минут он затих.

Байбал, зная медвежий нрав, не спешил подойти близко, следовало убедиться, что шатун мёртв, иначе, если притворился, тут уже не спасёшься. Для верности вскинул ружьё и выстрелил в тушу второй раз, но она осталась бездвиженная.

На выстрелы вернулся отряд в полном составе, обеспокоенность за проводника пригнала их с такой быстротой, что Байбал удивился. Он достал нож и подошёл к туше.

– Одноха нада снять шкура.

Отряд спешился, следовало помочь якуту разделать медведя. Шкура никого не интересовала, в данном случае мясо было нужнее – все проголодались, хотелось насытиться и предаться долгожданному отдыху.

Закончив с разделкой туши, отряд продвинулся по берегу Жуи на несколько вёрст, приметили удобную опушку, окружённую редким сосняком, наскоро разбили лагерь.

Отваренное мясо и обжаренные на огне рёбра ели с утроенным аппетитом, не до чая, головы клонило ко сну, положили в костёр пару крупных лесин, стреножили животных и, не замедлив, улеглись спать.

Рассвет следующего дня встретил отряд ярким солнцем, с голубым без единого облачка небом, подул свежий, ласковый ветерок, предвестник доброго дня. Листва на деревьях шеле-

стела, вроде как выказывала свою радость взявшему силу утра. Лесные птахи щебетали, заполняя своими звуками прилегающее к отряду пространство. Сытный завтрак – и снова в путь. За плечами более четырёх сотен вёрст. И каких! Полных неожиданностей и приключений, разных впечатлений от видения меняющейся картины таёжного простора и живности.

На восьмые сутки отряд вышел на берег реки Витима, и это радовало. Вот она, большая река, о которой столько было разговоров, с её многочисленными притоками – большими и малыми речками и ключами и наверняка спрятавшими в своих недрах золотые запасы, ставшие привлекательными для иркутских купцов и иных предприимчивых людей, жаждущих наживы, преувеличения своих богатств.

В верховье долины широкой лентой Витим нёс свои воды среди горных лесных массивов и гольцов, встречая иногда на своём пути скальные и каменные преграды, тут река переходила в шеверу и пороги. Остальная часть от среднего течения до устья текла спокойно, омывая берега, и впадала в более полноводную и широкую реку Лену.

Впереди показался крупный приток – речка бурно вливалась в Витим, а чуть выше своего устья она была зажата скальными стенами. Но это не продолжительно, далее скалы отступили, долина раскинулась в свободном пространстве. Это и есть та самая долгожданная речка Бодайбо, правый приток Витима, которой наконец-то достиг отряд.

Супротив устья Бодайбо левый приток – речка Бисяга. Но отряду левый берег Витима с её притоком был не интересен, хотя и выглядел привлекательно.

Заметили стойбище якутов, залаяли собаки, встрепенулись обитатели, но, завидев людей и особо среди них сородича, успокоились. Принимали гостей уважительно, предложили располагаться, принять в пищу солёного тайменя, шурпу и печёные лепёшки. Байбал оживился, теперь он может отправиться назад в своё родное стойбище.

Принимали пищу и больше нажимали на рыбу. Таймень, мясистый с бело-розовым мясом, таял во рту, да и по рыбе соскучились, дикое мясо и дичь приелись, а тут такой деликатес!

Якуты ели мало, больше разглядывали гостей, как выглядят, с каким аппетитом едят, чем отличаются друг от друга, старались определить, кто из них за главного, о чём говорят, а главное, пытались из речей узнать цель визита – внезапного их появления в столь отдалённой местности. Да и лошади нагружены тюками, не вскрывают, не показывают, знать, прибыли явно не для торговли чем-либо и менять на пушнину ничего не собираются.

Новицкий одет особливо – в казачьем одеянии, с шашкой на боку, португея, по нему и определили якуты – вожак, а кто более?

– Вижу, хлеб печёте, знать, и мука имеется. Откуда завозите или кто доставляет? – спросил Новицкий якутов.

Так оно и есть – вожак, первый за трапезой голос подал, на него и обратили свои взоры якуты.

– С низовья, с Ленских селений. По зимнему Витиму увозим пушнину, взамен разную провизию, спички, порох и пули, а то и ружья берём, – ответил старший стойбища на чистом русском языке.

– Иной раз и сам кто с низовья до стойбища добирается, какой товар доставит на мену, той же пушнины. Кто по льду, кто по воде, бывает по-всякому, – дополнил другой якут, стараясь показать что он в стойбище не последний человек.

Отряд удивился, почти все якуты говорили в стойбище на русском наречии. Вероятно, частое общение с русскими людьми поправило их речь.

Далее кушали молча, а как приступили к чаепитию, Байбал закурил и промолвил:

– Байбал довёл до нужная речка. Однахо дальше Байбал не пойдёт, завтра солнце макушка ёлка тронет, ходить обратно буду, жина, олени, охота ждут.

– Жена, табун оленей, промысел – это хорошо, а не страшно одному до стойбища добираться? – поинтересовался Карпухин, на что проводник ответил:

– Олень сам скоро идёт, понукать не нада. – И, тряхнув одностволкой, заверил: – Байбал не один, моя с ружьём, пуля любой зверь остановит.

– А если медведь?

– Плохой медведь нету. – Якут показал рукой на шкуру убитого шатуна. – Другой медведь мимо пройдёт.

Отмахав почти пятьсот вёрст, теперь отряд жил одной надеждой – обследовать долину этой речки и найти золото. Подаст ли Бог удачу, окупится ли изнурительный путь?

Первую ночь из всех восьми предыдущих, прошедших после того, как покинули Олёкму, восемь путешественников спали безмятежно, спокойно, никто и ничто не тревожило крепкий сон.

5

Утром плотно позавтракали, увязали тюки на лошадях, попрощались с хозяевами стойбища и с Байбалом, предварительно расплатившись с ним, сели в сёдла, взяли за узды и направили лошадей на юг, навстречу течению Бодайбо, туда, где она брала своё начало – к истоку.

Ещё вчера, после ужина, Новицкий, Свиридов и Карпухин обсуждали дальнейший путь. Карпухин раскрыл карту местности. Задумавшись над ней, указательным пальцем провёл по изолиниям долины речки, линейкой промерил расстояние между устьем и истоком, прикинул, сколько до изгиба русла, что почти в середине его течения.

– По имеющимся предварительным данным, речка имеет протяжённость менее ста вёрст. Начало берёт с Аунакитского перевала. И как видите, господа, имеет на своём пути немало притоков. Одни большие, другие менее значимые, проще сказать – ключи.

– Солидная речка, – причмокнул губами Новицкий. – Знать бы, где нам начало положить? Свиридов ещё раз взглядом окинул карту и, чмокнув губами, произнёс:

– Сдаётся мне, уважаемые единомышленники, перво-наперво следует добраться до середины течения, вот к этому повороту реки. Кстати, заметим, здесь где-то обосновал свой стан поисковиков купец Немчинов. Наверняка имеются строения и его сторожевые люди с доверенными лицами.

– Вполне, коль купец застолбил кусок горного отвода. Но они нам что, мы самостоятельные и на их участок не претендуем. Раз застолбили, знать, на законном основании. Наш купец Сибиряков пояснял, не обнаружили они там пока золотого запаса, однако работы по разведке собираются продолжать. Заглянем, расспросим, может, чего выведаем, а там дальше коней направим. В детали с ними вдаваться не след, всё одно не раскроются, – рассудил Новицкий.

Он набил трубку табаком, прикурил, дым выпускал неспешно, предаваясь наслаждению.

– Возьмём для начала разведки речушку Накатами, что правый приток на этом повороте Бодайбо. – Свиридов коснулся грифелем карандаша в изгиб середины речки на карте.

– Почему вы, Степан Ильич, так полагаете, почему не проследовать выше Немчинова участка или ниже? Почто так уверенно склонность имеете в первую очередь обследовать именно Накатами, а не по руслу самой Бодайбо? – удивился Новицкий, продолжая попыхивать табачным дымом. Курение табака ему само по себе было не к душе, не особо любил он столь вредное занятие, но привычка от ранее приобретённого пристрастия за годы службы оставила своё наследие.

Свиридов продолжал:

– Сдаётся мне, геологическое строение представленной пред нами долины даёт основание полагать, она является ярким примером её образования древними вулканическими породами, ответвлением. Хотя замечу, вся горная страна сибирская представлена в таком виде. А будет вам известно, именно силой магмы выдавливались из земной коры ценные металлы и минералы. Движение земной коры и образовывало изменение поверхности земли, менялось течение рек. Где-то золото застывало на поверхности, а где-то вполне, и даже наверняка, лежит при скальных породах, иначе сказать, при плотике под толщей песчаных, сланцевых и известняковых наносов под горными речками и ключами, вполне и на увалах, прилегающих к речкам. А они здесь просматриваются, так что копка шурфов и промывка, только разведка может дать ответ на мои высказывания. Похожее положение и в долинах, представленных в Олёкминском и Жуинском водоразделах, где, как вам известно, нашли и добывают уже семнадцать лет золото. Небогатое, но всё же добывают. И вообще, скажу вам, мои личные впечатления не дают покоя, уж больно велики должны быть запасы в бассейне реки Лены, на её таёжных

пространствах, убеждён всем нутром, аж душу зудят такие соображения, и по размаху могут быть весьма богатыми. Весьма!

– Ну, вы, Степан Ильич, прямо как окромя геолог, дык ещё и предсказатель, – удивился Новицкий, тут чрезмерно затянулся дымом отчего закашлял, а откашлявшись, сказал: – В то же время не особо уверены, что именно Накатами станет нашим первым поиском и даст ли результат.

– Кто же может быть уверен? А какой бы то не был результат, это в любом случае результат. Подсказывает чутьё и близость разведки купца Немчинова. Да и потом, с чего-то нужно начинать, а там поживём – увидим, куда направить поиск. Если вымоем спутник золота пирит, то и драгоценные пласты рядом.

– Что ж, убедили, так и поступим, – в один голос согласились Новицкий и Карпухин.

Новицкий постучал трубкой по рядом с ним стоявшей дровяной чурке, выбил пепел и промолвил:

– Зараза, а бросить курить воли не хватает.

Попутчики переглянулись, заулыбались.

– А чем в тайге от комаров спастись изволить желаете? От них руками не отмахаться, и усы не помогут, – смеясь возразил Карпухин.

Новицкий пожал плечами, промолчал.

Обогнув скальные прижимы и осилив перевал, показалась речка. Бежала раздольно, весело, омывала берега, гладила камни, перекачивалась через них, кидалась брызгами, показывала изумрудные блики солнечных крупниц. Небо чистое, с невероятной глубиной, лучезарный свет куполом накрывал тайгу, слышен щебет лесных птиц, жужжание насекомых, и куда от него деться – писк комарья.

– Вот она, речка, что зовётся Бодайбо, – с восхищением произнёс Свиридов.

– Принимай, река, гостей! Благослови, Господь, к делу поисковому, приведи нас к земному кладу, помоги сыскать золотую жилу! – Новицкий поклонился, выпрямился и принялся произносить вслух молитву, обратив взор к небу.

Прочтя молитву, на мгновение замер и губами что-то прошептал. Но рядом стоявшие сообщники сообразили, о чём – краткое обращение к Богу пред началом дела. И каждый повторил мысленно: «Благослови, Господи!»

Новицкий выпрямился и громко призвал: – Ну, господа и мужики наёмные, с Богом! Направим коней в верховье русла, помогай нам, Господь, осилить сорок пять вёрст на сей день, а далее найти, что нами не потеряно, а найти потребно.

– Молю, чтоб ваши слова Бог услышал, – поддержал Огородников и трижды перекрестился, обратившись на восток. За ним тому же последовали остальные рабочие. Свиридов с Карпухиным в знак солидарности свершили поклоны.

Гнуса хватало, донимал и людей и животных. Лесная мелкая кровососная таёжная тварь знала своё дело, успевай отмахиваться, при удачном случае удавалось прибить комара или мошку.

– Это ж надо сколь уродилось, тысячи витают, того и гляди глаза залепят! – возмущался Новицкий, постоянно отмахиваясь свободной от уздечки рукой.

– Сказать точнее – миллионы. Чего хочешь, Иван Данилович, они у себя дома, а мы в гостях, – усмехнулся Свиридов, тоже отмахиваясь от надоедливой мошкары.

– Ничего, как доберёмся, стан соорудим, так устроим им пытки, дымом окутаем, часть изничтожим, остальные разлетятся, – грозился рабочий Парамонов.

– Разве можно на них дыму напасть? Одних пуганёшь, другие налетят, иль каких пуганул, злее станут, – возразил Огородников.

– Одна зима для комаров враг, а нам морозы ни к чему, помеха в деле нашем, так что остаётся терпеть занудство этакое, только в движении и кострищ спас от них, – подал голос Карпухин.

Дальше ехали молча. В пути сделали один привал. Костёр отгонял мошку, позволил поесть и напиться чаю. И снова в дорогу, лесные заросли, кустарники, местами открытая местность, сопровождал ветерок, сдувал кусачую мелочь.

К исходу дня достигли стана отвода Немчинова. Из зимовья вышли трое бородачей, двое с ружьями, на вид не исхудалые, видно, тайга питала достойно. Кто бы в этом сомневался – зверь и рыба рядом, стланик и кедр недалече, не ленись собирать грибы и ягоды на любой вкус – голубика, черника, брусника, смородина, а поискать – так и жимолость к столу поднести можно.

Предстали зимовщики Немчинова пред отрядом Новицкого, всем видом демонстрируя свою независимость, здесь только они хозяева, и не могли в чём-либо перечить, а ежели страшать кто вздумает, так не поздоровится, мигом спесь сомнут.

– Кто такие, откуда и зачем пожаловали?! – строго спросил один из бородачей и для остротки вскинул ружьё, но и с сомнением, тот ли тон избрал при виде в человеке казака – кафтан, повязанный красным поясом, синие шаровары заправлены в сапоги, шашка и папаха, при погонах, через плечо новая двустволка, взгляд спокойный, суровый.

Новицкий, сидя в седле, сверху разглядывал незнакомцев, оценивая их натуры, ошетилившихся и готовых к нешуточному исходу встречи.

– Кто ж так гостей принимает? Неуж стрельяться вздумаешь? – Иван Данилович разгладил усы и вроде как с угрозой: – Дык мы тоже не лыком шиты, при оружии, хотим – залпом ответим, а хотим – и мимо проедем. Ужель не понравились, не в милость оказались? – резким тоном добавил Новицкий. – А по чести, так я казак, доверенное лицо иркутского первой гильдии купца Михаила Александровича Сибирякова, и со мной отряд. Слыхали про такого?

– А то ж, кто не слыхал, известная в губернии персона. Но это слова, а покаж бумагу казённую, да чтоб с печатью, тогда и вера иная будет, и поклон отдадим, уважим, трапезничать пригласим, – сбавил напор бородач, подметив в казаке возраст в самую силу, кряжистый, над крупными губами усы, как смоль, взгляд орлиный, не терпящий возражений, уверенный в себе, гневить такого – себе в убыток.

Первым спешил Новицкий. Из-за пазухи достал лист бумаги, развернул его перед глазами бородача, не выпуская из рук. Тот вцепился глазами в документ, через его плечо глянул и напарник, оба ознакомились с жалованной грамотой и одобрительно закивали, ружья на плечи – и сделали поклоны.

Вид мужиков сменился на милость, лица приняли услужливый вид и даже заискивающий.

– Так извиняйте в таком разе, пожалуйста к нам, как раз ужинать было собрались, а тут вы.

– Благодарствуем, не откажемся, устали с дороги, поесть и выспаться, а завтра далее тронем, стеснять вас не станем, дела ждут.

– Уж извольте полюбопытствовать, если, конечно, ответ позволите услышать, что ж за дела?

– Однако скорый, смотрю. О делах скандачка не говорят, за ужином и побалакаем.

Выругал молчком себя бородач за спешность, за язык свой преждевременный, но слово не воробей – вылетело, не поймаешь. Не обидел ли тем самым казака?..

– Да, да, конечно, что ж я нетерпение проявил, уж извиняйте, ради бога.

– Бог простит. Нам бы прежде до стола, да лошадям отдых дать, корм и напоить, а там и посудачим.

Развьючили коней, вьюки уложили под навесом и укрыли кошмой, привалили к стене у одного зимовья, поставленного из тонких лесин.

– Дождя не будет, а зверь не подойдёт, так что будьте покойны за груз, – заверил всё тот же бородач, видно, выступавший за старшего.

6

Новицкий с предусмотрительностью заранее и от глаз станowych мужиков к ужину отлил из тары чарку спирта (везли с собой двенадцать штофов в одном из тюков) и прихватил с собой, а присев к столу, выставил со словами:

– Разбавим чарку студёной водицей – и с устатку по шкалику, греха не будет.

Глаза зимовщиков загорелись огнём, один из мужиков кинулся с посудой к ключу набрать воды, чтоб разбавить спирт. Вернулся, передал воду Новицкому, тот разбавил горький гостинец и разлил по кружкам, мужики сверлили глазами наполненные кружки.

– От такого гостинца греха не будет, давненько водочку не потребляли, – обрадованно воспринял бородач, как оказалось, с именем Парфён, по фамилии назвался Стародубов, он и являлся старшим на стане Немчинова.

– В прошлом годе ягод собрали, так в двух бочонках брагу завели. Бродила хорошо, пили помалу, и всю за зиму выпили, – поведал мужик младше по возрасту Стародубова.

– Хороша получилась или не крепче кваса? – спросил Новицкий.

– Шибко в голову не ударяла, но веселье придавала, была б крепче, если б хмель был, но за неимением кровь тоже гоняла, как кружку опрокинешь, – ответил Парфён, накладывая на стол малосольного и вяленого хариуса. Его напарники нарезали ломтями хлебную выпечку, поставили котелок с шурпой, из которого шёл аппетитный парок.

– Вчерась изюбра завалили, разделали, мясо целый день перетаскивали с солонца, в ледник заложили, так получается, под свеженину и водки понюхаем, – потёр ладони Парфён от нетерпения пропустить жгучую жидкость.

Стан представлял собой восемь строений, одно приспособлено под баню, имелись сарай и два навеса с хозяйственным инвентарём, погреб и ледник, загон для лошадей с кормовыми торбами, вблизи небольшая копна сена, поодаль аккуратно сложены три поленицы колотых дров, накрыты берёзовой корой, придавленные жердинами.

В самом большом зимовье проживали трое – Парфён и его сотоварищи, остальные пустовали. Внутри четверо нар, тёсанный стол и лавки, сложена глиняная печь с трубой, выходившей наружу через крышу.

Выпивали, ели с удовольствием и завидным аппетитом. Раскрасневшийся от алкоголя Стародубов меж делом изучал гостей.

Казак, тот понятно – доверенное лицо, знать, в почёте у купца; двое из восьмерых по одежке и виду – чиновники, только неведомо, какого ранга, остальные и без спросу видать – подневольные или наёмные работники.

Ближе что к казаку сидит чиновник (это был Свиридов) – спокойный характером, высокого роста, телом средней формы, лицом выглядел молодо, хотя можно дать за его плечами не менее трёх десятков лет. Если б носил усы и бороду, то, наверное, выглядел бы по годам старше, но расти щетине над устами и на подбородке себе не позволяет, посему бодро и свежо со стороны и выглядел.

По другую руку казака чиновник (здесь Карпухин) – низкорослый, подвижный, словно в него встроена заводная пружина, возможно, это присуще людям какому-то особенному ремеслу. Круглолицый, вполне одногодок казаку, а может, чуть старше, все волосы белёдые – на голове, брови, усики и коротко подстриженная бородка.

Мужики разные по комплекции и возрасту, но все телом исправные, по ладоням судить, так сила в руках дюжая, крестьянский труд повидали. Особо выделяется среди них один – ростом не меньше семи футов, молодой, лицом красивый, а в плечах и грудью – словно русский богатырь, кулак увесистый, такой с одного маху вполне может недруга или обидчика зашить. Откуда было знать Парфёну про этого молодца, обозначив его богатырём. А звали парня

Никита, сын первого на селе Нюя кузнеца Данилы Огородникова. Деревень и сёл по самой Лене чуть более полутора десятка, а вглубь тайги почти ещё столь затерялось. Нюя свой кусок берега реки занимала у устья речки с таким же названием – Нюя, выросла хатами в землю, оную же и пахали, засеивали. Вели домашнее хозяйство, растили съедобные культуры, промыслом дикого мяса и рыбы занимались, и для этого всё было: лошади, плуги, бороны, неводы, ловушки самодельные, бычки с коровами, птица разная. В общем, во всём руки прилагали и не бедствовали. Не желал Данила Митрофанович от себя сына отпускать, но мольбу в глазах парня уважил, не стал отговаривать, пусть пройдёт свой путь, коли так загорелось, попытает счастья на золотых промыслах, а вдруг это и есть его удел в жизни? Пустился Никита водным путём по Лене, так и оказался на Олёкме и познавал старательский труд.

Оценив внешность гостей, Парфён думал: «По какому ж делу прибыли в столь дальний, неизведанный Богом край? Зачем? Известное дело, зачем, многие рыщут по тайге сибирской, всех золото встревожило, второй десяток лет рыщут по Ленской тайге, кой-где уже добычу ведут, самородки моют. Вот и наш купец Немчинов на других речках обнаружил жёлтый песок, прибылью карманы набивает, а тут пока нет, земельный отвод отгородил, а даст ли он плоды, озолотит ли хозяина, да и мы не останемся ли на бобах?..»

Новицкий тоже изучал взглядом станových, кто чего стоит, можно ль разговорить их, откроются ли тем, о чём что-либо знают касательно злчных мест. Однако с расспросами не спешил, пусть геолог или топограф в том почин положат.

– Стало быть, вы, мужики, оставлены вести охрану горного отвода Немчинова. А что так, работы приостановил купец? – Свиридов глянул на Парфёна, он в основном вёл беседу, двое больше молчали.

– Извольте спросить: вас как – по имени и батюшки или по чину обращаться? – Стародубов, захмелевши, глянул на собеседника.

– Степан Ильич.

– Прибыло-то нас, Степан Ильич, для поисков золотого запаса две дюжины – доверенное лицо купца Корнеев, поисковых дел мастер Матковский, называли его геологом, остальные – рабочие, набранные с разных деревень, общим числом два десятка. Глашатаи вербовкой прошлись по дворам, огласили, что почём, люди и пошли за обещанным большим заработком, и мы туда же. Копошились, копошились, на носу осень, вот-вот белая муха полетит, а толку пусто, золота – ни-ни. Геолог напористый попался, сулил: должно – и точка, но выходило не по нему, а тут занемог. Вскоре и отправил его Корнеев с сопровождающими в селение к знахарям на лечение, а сам, по совету купца, временно работы свернул, наёмных крестьян снял, оставил троих, то бишь нас, сторожить оформленный им отвод с постройками. Заверил, за пригляд оплату положит, а поиски богатства в этом году продолжат. Ждём со дня на день новый заезд, а тут уж и Корнеев с геологом придут. – Минуту Парфён жевал мясо и продолжал: – Корнеев с Матковским придут, или иные кто – неизвестно, но Корнеев с твёрдостью говорил: работы по поиску золота в Бодайбо Немчинов продолжит. Уверовал нас, оттого стеречь стан настрого наказал. Говорил, расчёт нам денежный доставит, а коль пожелаем, так к участию в делах привлечёт. Вот и думаем, как поступить, то ли домой вернуться, то ли грунты копать.

– Сами-то промывали лотками пески в речке?

– Не-е, – протянул Парфён, – на то уменье требуется, сноровка, наше дело было киркой и лопатой землю ковырять, где укажут.

– В каких местах копали?

– Не так уж во многих, то там, то сям, я же сказал, геолога взяла хворь, тут и копку свернули, ночные заморозки давали о себе знать. Избушек настроили, погреб и ледник устроили, инструменты в кладовую сложили, ладно, что провизию оставили, тем и живём до сего дня.

– Продуктов-то в достатке, не голодаете? – любопытствовал Новицкий.

– Пока сыты, животы не втянули, кое-чем разжились у якутов, что стойбищем стоят в устье Бодайбо. Деньги получим, так рассчитаемся. Муки позаимствовали, соли, зерна немного, экономим, растягиваем, остальное в тайге берём, благо ружья и заряды имеются.

Стародубов и с ним становые и из отряда Новицкого мужики, закончив с обедом, скрутили из табака самокрутки и готовы были выйти из зимовья на воздух подышать в удовольствие, но пока продолжали молча сидеть за столом, вроде как ждали команду старших. Паузу прервал Парфён, ему хотелось наговориться с новыми людьми:

– Одержимый был геолог, ещё как одержим, прям накрепко утверждал, особо как камешки малые и чудные нашёл – есть здесь золото, и всё тут.

– Что за камушки? – вскинул Свиридов глаза на Стародубова.

– То ли прит, то ли парит, совсем запамятовал... – Стародубов сморщился, напряг лоб.

– Пирит?

– Во-во, пирит, в точности пирит! – Стародубов стукнул себя ладонью по лбу. – Видать, вы человек осведомлённый, грамотный. Да вот и сами можете на них глянуть, на полке некая часть отложена. Ценности в них нет, но знак особый, так сказывал Матковский.

Свиридов оживился, поднялся из-за стола, подошёл к указанной Парфёном полке. Она находилась в глубине помещения прикреплённой к стене и представляла собой кусок тёсаной доски. На полке действительно лежало несколько минералов правильной формы – кубики разной по размеру величины, это сернистое железо – железный колчедан, продукты древних вулканических извержений. «Вот они, предвестники золотой жилы! – Свиридов взял в левую ладонь несколько минералов, пальцами правой руки перекачивал, по одному подносил к очам, разглядывал. – Как есть пирит! Знающий этот геолог Матковский, смышлённый, сам умом дошёл или кто надоумил в долину этой речки прийти?.. Известный признак, знак верный – где пирит, там и золото. Просто удача Матковского подвела, да хворь помехой вышла... Дай бог, нам повезёт, так первыми и откроем золотые запасы...»

В каком месте нашли, покажите? – Свиридов выжидающе посмотрел на Парфёна.

– Отчего ж не показать, покажем...

Но тут Стародубов осёкся, чего, мол, я, захмелевши, несу, вот же язык шаловливый, прознает Корнеев – без расчёта за порог выгонит, чрез него и Немчинов прознает, а тот ещё крепче накажет, вот дурья башка, и с торопливостью возразил:

– Хотя не можем, вернее, не имеем на то права при всём к вам уважении наказ таков наложил нам строгий Корнеев, а послушаться – грех на душу возьмём. Так что не сердчайте, милостивые гости, принять вас к ночлегу рады, а показать, где эти камушки обнаружались, никак нет, ну, никак невозможно. – Стародубов замахал обеими руками, будто отмахивался от озлобленных пчёл.

– Понимаем. Что ж, далее пытаться не стану. – Свиридов с этими словами вернул минералы на место.

Степан Ильич остался доволен – теперь ему стало известно о более вероятных и потенциальных запасах золота на речке Бодайбо, они есть и нужно не терять времени на его поиски за пределами отвода Немчинова. Только определиться в самой речке – выше или ниже оформленного купцом отвода. А лучше будет начать разведку в речушке, что впадает справа в Бодайбо, на карте Карпухина значится – Накатами. «Предполагаю, она куда перспективнее, с приглядными горными отложениями, на не глубоком уровне отложений наносов, копка шурфов позволит дойти до плотика с меньшими физическим трудом, а там и покажет, прав ли я в своих рассуждениях. Непременно сразу с утра без ушей людей Немчинова и обсудим сообща с Новицким и Карпухиным проведение предстоящих поисковых работ. Только подай, Бог, успех дела, помог бы Господь в наших начинаниях...»

Новицкий с Карпухиным наблюдали за Свиридовым, заметили его возвышенное настроение, и оно невольно передалось им. «Рад находке, найденной геологом Немчинова, пусть даже чужая, однако важная, знать, есть зацепка!..»

7

Утром следующего дня Новицкий от всех поблагодарил за предоставленные два зимовья для ночлега:

– Спасибо за гостеприимный уют, а теперь нам пора. Хорошо у вас, но время не терпит.

– В какую сторону путь держите, иль не вправе интерес проявляю? – не надеясь на ответ, произнёс Стародубов.

– А куда кони понесут, там и дорога наша, – усмехнулся Новицкий, а серьёзно заметил: – Поглядим на русло Бодайбо, на впадающие ключи, изучим, зарисуем и отчёт для начальства составим. Если золотые пески встретятся, так в актив поставим. Речка большая, куда-нибудь да выведет, что-то покажет, а не покажет, так возвратимся.

– Что есть, то есть, речка немалая, всё одно где-то имеется золото-серебро, не в отводе Немчинова, так ежели верить Матковскому, в другом её водном течении, распадков и сопкок ан груды стоят, друг за дружкой прячутся, ни объехать, ни пешим обойти, – развёл руки в стороны Парфён, тут же опустил их и взмолился: – Ужо про пирит, у нас виденный, слёзно прошу: не поминайте никому, то ж во вред мне станется.

– Незачем кому сказывать, не переживай Парфён, – успокоил Свиридов и лукаво добавил: – Твой пирит нас не встревожил и даром не нужен.

Стародубов перекрестился, успокоился.

Проводив взглядом гостей, так и не сказавших, где именно собираются заниматься поисками золота, Стародубов с мужиками присели за чай и углубились в житейские размышления. Их донимали свои заботы – скорее бы прибыл поисковый отряд Немчинова, какую положат им оплату за сохранность вверенного имущества, как быть, остаться для заработков или покинуть речку и вернуться домой, чего последнее не прельщало, всё же надежда обнаружить золото, а с ним обрести и достойные деньги, столь необходимые для безбедного бытия.

Отряд Новицкого проехал около трёх вёрст, перешли вброд Бодайбо чуть выше устья Накатами и направили коней вверх по течению речки, которую так облюбовал для обследования Свиридов. Он изложил свои аргументы в пользу Накатами, и Новицкий с Карпухиным возражать не стали, Степан Ильич геолог и ему видней.

По мере движения отряда Карпухин использовал буссоль и компас, периодически карандашом делал пометки на карте. Преодолев четыре версты, Свиридов предложил остановиться, мол, в этой части русла и начать работы.

Спешились.

Глухомань, плотный смешанный лес – хвойные и лиственные деревья, много кустарника, местами травы, густо покрывающие землю, среди всего прочего в избытке сухостоя, рядом речка с её прозрачной водой шумела весело, бежала сама по себе, придавала всему окружающему жизненность.

– Пожалуй, здесь и разобьём лагерь, – говорил Свиридов, вышагивая по приглянувшему участку долины и бросая пристальный взгляд на Накатами, она звонко бежала студёным потоком к Бодайбо.

С лошадей сняли тюки, рабочие принялись заготавливать дрова и занялись устройством шалашей на случай дождя, доставали инструменты, необходимые для рыхления и копки грунта, промывочные лотки, разный инвентарь и утварь.

– Какая же глухомань, – заметил Новицкий, обозревая речку, окружённую сопками, покрытыми лиственницей и берёзой. – Но и красота неопишная, какова же Русь велика, как же она обширна! Не напрасно вороги шли на Русь, веками одолевали матушку, да только не сломили воинов русских, смерть свою, окаянные, находили. Земли обширные, леса, зверь,

пушнина, а тут и золото на Ленских просторах найдено, не оскудеет казна государева, а оно и народ вольготнее вздохнёт.

– Правда ваша, Иван Данилович, богатства на Руси несметные, надо б лишь рачительно пользоваться, беречь и приумножать, так на много столетий хватит потомкам, – поддержал Свиридов.

– А посему струнка хозяйственника в каждом человеке должна сидеть, – добавил Карпухин.

– Должна, да ведь как выходит, не всякий человек привержен тому, иные так и глядят, скрасть чего, обманом взять, хитрым замыслом, а то и задурманят зельем, ничего святого за душой не имея, – выдохнул Новицкий.

– И здесь правда ваша, Иван Данилович, встречаются не от мира сего. Будь моя воля, собрал бы всех беззаконников и отправил их на галерах безвозвратно на необитаемый остров. – Свиридов махнул рукой, образно показав направление местонахождения такого острова.

Огородников выкраивал время и удобный случай, чтобы заглянуть, каким образом пользуется приборами Карпухин, рассматривал планшет с установленным на него угломером, называл его Карпухин алидадой. Никиту завлекло занятие топографа, постоянно наносившего пометки на карту. Незамеченным это не могло быть, и Иван Фёдорович однажды отметил:

– Раз проявляешь интерес, так одобряю, топография, брат, дело весьма занятное, нужное. Абрис или карту составить, изыскания всяческих строек, направление каналов, железных и трактовых дорог, да всего не перечесть, всё это геодезическая наука. Коль горишь желанием, обучу азам, глядишь, к ученью страсть одолеет, не всю ж жизнь крестьянские порты, онучи и лапти носить.

– А возможно ль одолеть такое? – У Никиты загорелись глаза, он находился в положении, подсевши к топографу, и разглядывал сложенные подле него буссоль, компас и шагомер. Рядом стоял Свиридов.

Карпухин рассмеялся:

– Если предоставили бы возможность, медведя можно обучить, да норов его не позволит.

– Непомерно как желаю, уважьте, Иван Фёдорович, – с жаром отозвался Огородников.

– Время от времени и уважу, быть тому – приобшучу! – Карпухин хлопнул по плечу Никиту, а тот встал с корточек на ноги и с благодарностью поклонился Карпухину в пояс.

– Но-но, прекрати поклоны отвешивать, нечего меня возвышать, не в залах губернских и не царский сановник я, а не то передумаю.

– Будь по-вашему, – смутился Никита. – Непривыкший я с чинами разговоры разговаривать, а чины разные случаются, вот и...

– То-то же, – улыбнулся Карпухин.

Подошёл Новицкий, услышал разговор, улыбнулся.

– Не станете ли возражать, любезные, пока мужики разбивают лагерь, посетить речку, копнуть край берега? Нетерпение донимает, прямо кишку точит, – предложил Новицкий Свиридову и Карпухину.

– А чего, очень даже и я проведать желаю, – отреагировал Карпухин. – Сидеть сложа руки не привык, непременно составлю компанию. Лотком тоже научен пороку полоскать, не уступлю в том вашему, Степан Ильич, мастерству.

– Посмотрим, посмотрим, оценим, – заулыбался Свиридов.

– Оно и я не отстану, осмелюсь песок в лотке промыть, неуж сложность великая? – Новицкий взял в руки промывочный лоток. – Надо же, лёгок как, умело из кедра вытесан.

– Не всякий человек так способен изготовить, мастерство особое надлежит иметь – подобрать должного размера ствол, правильно просушить, выдержать, сколов и трещин при обработке не допустить, поверхность отполировать, чтоб мельчайшая песчинка не застряла, – пояснял Свиридов.

Новицкий передал в руки Свиридова лоток, а сам поднял кирку. Карпухин вооружился лопатой. Все трое отправились до речки, она шумно журчала ниже будущего лагеря, звенела перекатами и брызгами.

Одержимые нетерпением искатели скрылись за чащей, а рабочие взялись их обсуждать.

– Смотрите, надо же, не посчитали зазорным господа наши, не побрезговали, взяли инструменты, неуж и в самом деле копать грунт начнут? – удивился Парамонов.

– Устремление имя руководит, вот и пошли речку шевелить, пески пробовать...

– Меньше балакайте, – перебил Никита Огородников Крапивина. – Вона работы сколь, к ночлегу лагерь поставить, очаг соорудить, еды готовить, а лясы нам не помощники.

– И то верно, – поддержал Парамонов.

Никита крепко ухватил топор и приступил рубить у корня ближайшую лесину. Несколько ударов – и она свалилась. Остальные тоже взяли топоры и пилы и принялись за валку деревьев. Следовало успеть установить пару вместительных юрт – собрать каркас из не особо толстых стволов, надрать бересты для покрытия внешних стен, устроить настил. Одна юрта для господ, вторая – для себя.

Напарники возрастом старше Никиты не отставали, работа спорилась, штабель очищенных от веток и сучьев лесин рос на глазах. Мошка и комары не успевали за людьми, лишились сноровки укусить, а разведённый костёр с подкладываемыми пихтовыми лапами не давал им покоя – едкий дым отгонял кровососов за пределы расчищенной поляны.

Присели передохнуть, Федусов с Крапивиним достали кисеты, табак в самокрутку, из костра подняли угольком светившуюся с одной стороны хворостинку, поочередно прикурили. Огородников и Парамонов не курили.

– С таким размахом и избу срубить нам за день под силу, гляньте на штабель. – Федусов вытер рукавом со лба пот и кивнул в сторону штабеля.

– Наряду с проходкой шурфов скучать не придётся, и избы ставить придётся, зиму-то в юртах не след проводить, слава богу, кругом лес добрый – сосна, лиственница, и размеры всяческие, – рассудил Парамонов.

– Всё сладим, стены, крыши, глиняные печки сложим, а стекла для окон нет, в потёмках жить придётся. – Крапивин развёл руки.

– Забьём копытного, и не одного, из мочевого пузыря затынем оконные проёмы, какой-никакой, а дневной свет в избушках будет.

– Дело Никита говорит, такой метод наши предки применяли, пока не научились стекло варить и слюду добывать, – одобрил Парамонов и спросил: – Никита, ты весь путь не курил, как и я, и сейчас табака сторонишься, чего так?

– С малолетства не баловался, ни к чему, вообще не одобряю, во вред это.

– И правильно, оттого и вымахал здоровяком, а я вот безвольный, как мать отняла от груди, так и сосу самокрутку, смолу махоркой, посеми и тощий, хорошо, хоть жилы и кости крепкие, – со слабой улыбкой выдохнул Федусов.

– А ты, Кирилл, почто дымом не пынешь? – держа меж губами дымящуюся самокрутку, спросил Крапивин Парамонова.

– У меня отец строгий был, чуть что не так – за хлыст и по задку. Один раз ударял, но помнил долго. Попадало не за зря, за озорство. Однажды ладонью по затылку прошёлся. Мать ему: «Чего творишь, ребёнка по голове вдарил?» А он: «Дурь выбил, а ум оставил».

– За что так уважил?

– Табак у него спёр, курить пробовать, а он просёк.

– Отучил, – улыбнулся Крапивин.

– Отучил, но не с этого разу. Ударил-то не больно, скользом, но так обидно стало. На следующий день, помню, видит я насупился, подозвал к себе, он на бревне сидел, поманил, мол, присаживайся. Присел рядом, он достал кисет, на клочок бумажки табаку насыпал –

самокрутку сделать, прикурил. Смотрю, вторую самокрутку скрутил и подаёт мне со словами: «Бери, вместе покурим». Дивлюсь, как так, вчера по заливку дал, а тут закуривай. Подсел к нему, чинно, важность напускаю, самокрутку в рот, а он спрашивает: «Готов прикурить?» «Ага», – отвечаю. А он: «Сейчас огоньку поднесу». Думаю: «Надо же, с отцом подымлю, за взрослого меня почитает». Нет, не получилось подымить. Заместо огоньку руку до моих губ поднёс, аж кубарем с бревна слетел. Недовольно упрёкнул: «Значит, не вся дурь из головы вылетела! – И засмеялся: – Ещё дать прикурить?» А для острастки заставил набрать полный рот табаку и жевать.

– И что, жевал?

– Куда деваться, жевал. Горько и противно, хотел выплюнуть, а он: «Рано!» Пришлось дале жевать. Потом смилостивился, но пригрозил: будешь курить – пороть крепко буду! До сей поры вкус табака чую, тяга к нему пропала и задарма не надо.

Мужики рассмеялись.

Крапивин свою историю:

– Нет, я не шалил, не до того. В семье нашенской семеро детишек окромя меня было – восемь, значит, – всего десять душ с отцом и матерью. Всем работы хватало, трудом напрягаться, но отец с матерью в меру нагружали, возраст каждого учитывали. Касаемо табака, так отец не ругал и не запрещал. Сам смолил, а мне: «Кури, коли нравится, всё отдушина какая, а прятаться с курением ни к чему, не дай бог, сарай или хату спалишь, лучше на виду будь».

– Всякие родители бывают, по-всякому к этому злу и отношению, – подытожил Парамонов.

Новицкий, Карпухин и Свиридов подошли к берегу. Иван Данилович поклонился речке и шепнул:

– Принимай, реченька, гостей, уваж, чем богата. – И к Свиридову, уже громче: – Степан Ильич, укажи перстом, где кирку применить.

– Да хоть пред сапогом вашим иль поближе к тому камню у самой воды.

– Тогда уж по первому показу, где стою на землю опёрши! – воскликнул Новицкий, наложил на себя крестное знамение, размахнулся киркой и ударил ею в грунт пред собой.

Взрыхлив двумя десятками ударов пески, Новицкий пригласил к действию Карпухина:

– Выбери, Иван Степанович, сколь лопата возьмёт.

Карпухин с готовностью и пристрастием взялся за работу, и через десяток минут образовалась небольшая ямка.

Кайлили и выгребали несколько раз, получился неглубокий шурф, на дне выступила вода.

– Довольно, господа золотоискатели, – с улыбкой остановил Свиридов. – Теперь моя очередь силы приложить.

Степан Ильич со дна шурфа наскрёб лопатой песок в промывочный лоток. Подхвативши его, перенёс к берегу, присел на корточки, лоток опустил в воду, придерживая его руками. Раз за разом обратно-поступательными движениями смывал породу, убирал камушки, постепенно образовалась самая малость, последние смывы – и на дне лотка осталась мельчайшая фракция. Сосредоточенно всматривался, трогал пальцами, хмурился, но неожиданно лицо просияло, и воскликнул:

– Значки! Есть четыре значка! Не думал, ну, никак не предполагал, это ж надо с первого лотка золотые значки обнаружили! – Поднял лоток на уровень пояса ближе разглядеть и показать Новицкому и Карпухину.

Все трое созерцали мельчайшие пластинки, они ярким жёлтым блеском выказывали себя на солнце.

– Прямо чудо! Ай да Степан Ильич, ай да умелец, ай да знаток своего дела! Господа, неуж и впрямь золотая речка?! – шумел Новицкий.

– Не надо, не надо, Иван Данилович, громогласно восхищаться преждевременно, таким возгласом удачу можно спугнуть, – остановил пыл казака Свиридов. – Поверье таковое бывает, так лучше уgomонить свою радость.

– Я в себе сглаз не имею, порчу не наведу.

– Всё одно не время, в таком предприятии уместнее молча восторгаться. Значки – это хорошо, но будет замечательно, если до плотиков шурфы пройдем да самородки зацепим, тогда и ликовать время настанет.

– А вы, Степан Ильич, суеверный. Что ж, послушаться, знать, во вред обернется, молчу в таком разе, уже спрятал язык свой.

– Не примите в обиду, Иван Данилович, и в самом деле не приведи бог фортуна спугнуть.

– Что вы, что вы, коль поверье есть таковое, соблюсти оное уместно.

Свиридов смыл с лотка в речку частицы песка вместе со значками, чему удивились спутники, но промолчали. Лоток положил обсушиться на берегу и предложил пройтись по речке. Никто не отказался, тому способствовало возвышенное настроение, да и наверняка мужики ещё не успели приготовить что-либо съестное.

Прошли около версты вниз по течению и вернулись до места первой пробы, отсюда подались вверх по течению, решив осмотреть грунты. Преодолели полторы весты и остановились.

– Полагаю, – задумчиво начал Свиридов, – завтра шурфы и начнем проходить с этой точки, продвигаясь вверх по речке, а после низ прощупаем.

– Кто с вами спорить осмелится, я всегда говорю, специалисту всегда видней, – одобрил без возражений Новицкий. – Промялись, не пора бы, господа, голод утолить?

– Кто ж откажется, – подхватили в один голос Карпухин и Свиридов, отчего оба рассмеялись: – Голодно, оттого хором желудки через уста и согласие выразили, – подметил Карпухин.

В лагере кипела работа – мужики заканчивали покрытие чумов берестой, над горячими углями очага томилось варево, рядом стоял кипяток, заваренный душистым чаем с ароматным листом дикой смородины.

– Молодцы, хлопцы, видна работа, ночлег обеспечили, и знатный супчик с чаем приготовили, одобряю, – похвалил заслуженно мужиков Новицкий.

8

Как и наметили, шурфы проходить начали от лагеря вверх по течению Накатами. Свиридов показывал мужикам места рытья, наказал сообщать ему, как докопаются до скалы, иначе называемой плотиком россыпи долины.

Умения в том не требовалось, лишь применяй физическую силу, напрягай руки и спину, рыхли грунт, выкидывай лопатой, пока не упрёшься в твёрдые породы, не поддающиеся кирке, это и есть плотик.

За половину дня прошли несколько шурфов по левой стороне речки. Свиридов подходил к каждому шурфу, обязывал работника от последнего выкинутого наружу песка отложить часть в промывочный лоток и поднести его к воде. Сам тут же брался за промывку содержимого. Помогать в этом вызвался и Карпухин.

Новицкий не решился выполнять такую работу, глядя на старание компаньонов, ловко работавших с породой в лотке, засомневался в своих способностях, может неумело смыть не только значки, но и самородки, если окажутся мелкими. По нечаянности смочил в речку крупы золота, и тогда он опростофилится и себе не простит. Не лишний раз утвердился – пробы обрабатывать должны мастера. Для него было главным обеспечить живучесть отряда, дабы способствовать успешному проведению поисков золотоносных отложений. Внутренне он переживал и горел острым желанием, чтобы это произошло, верил интуиции Свиридова и весьма надеялся на успех дела. Проехать с таким трудом сотни вёрст через таёжные дебри, переправиться через десятки речек, перевалить множество сопков и гольцов, пройти мари и болота, встречавшиеся в пути, перенести нелёгкие испытания, всё это не должно стать напрасным, ведь должно же быть вознаграждение. О, если б оно случилось! Какое же благодущие и радость охватило бы Сибирякова! И как своя-то душа возрадовалась!..

Мысли Новицкого прервал голос Свиридова, за ним Карпухина. Оба в унисон радостно извещали.

Первый:

– Есть золото!

Второй:

– Вы посмотрите только – самородок!

Новицкий, в мгновение отбросив размышления, немедля поспешил увидеть то, что в лотках геолога и топографа. Подбежав, увидел небольшого разного размера кусочка жёлтого металла, разновидности по форме, матовые, но ярким жёлтым цветом, в них отражалось солнце. Да, вот оно, вот оно, долгожданное золото! Подошли и рабочие, лица сияли счастьем – речка открыла свои клады, она даст драгоценный металл и станет достоянием купца, но и положит начало заслуженному заработку, обещанному знатным иркутским купцом и его доверенным лицом Новицким. Нет, ненапрасными оказались за спиной пройденные трудные таёжные вёрсты. Дали они свои плоды, да какие!

– Как же будет доволен Михаил Александрович, как же рад будет! – млея восторгом Новицкий, глядя то на самородные зёрна, то на лица Свиридова и Карпухина. – Привёл Господь к месту заветному, желанному! Слава тебе, Господи!

– Привёл. – Свиридов с довольным видом собирал с обоих лотков самородки на ладонь, а как все они оказались в одной кучке, движением, словно на безмене взвесил вес драгоценного металла. – Хороши пробы, превыше ожидаемых оказались, даст речка золото, непременно даст! Так и продвинемся шурфами по левой стороне. Потом по правой, определим границу распространения запасов.

В этот день обедали наскоро, спешили возобновить работы, не терпелось узнать, как там дальше? Каждый шурф показывал золото, где больше, где меньше, но, главное, показывали.

Шурфовка велась непрерывно почти две недели, лотком промывал лишь Свиридов, Карпухин же в эти дни переключился на составление карты русла, в точности вырисовывая её повороты, ширину меж берегами и прилегающих к ним склонов сопков, фиксировал места взятия проб. Зачастую привлекал Огородникова к работе с приборами (дал же слово приобщить) – буссолью и компасом, замеряли визирные углы направлений на местности и магнитные азимуты, а тот жадно вникал и удивительно быстро осваивал их назначение. До чего же увлекательное это было занятие! Карпухин вместе с Никитой, используя приборы и мерную ленту, провели съёмку исследованного течения Накатами, затем прошагали до устья речки, закончив замеры у берега Бодайбо.

В принципе, картина состояния и границ обнаруженных запасов была ясна, оставалось со вниманием застолбить на местности, согласно установленным властями требованиям, земельный отвод будущих горных разработок предстоящего прииска и, конечно же, подать незамедлительно заявку на её утверждение и прилагаемых к ней документов отвода.

Новицкий восторженно шептал: «Да, не обошёл нас Господь стороной, помог исполниться делу порученному, делу, ради которого мы осилили путь трудный, снесли тяжести... Слава тебе, Боже!..»

Рядом стоял Свиридов, увидел шевеление губ казака, услышал неразборчивые тихие слова, спросил:

– Об чём думаете, Иван Данилович?

– Услышал Господь молитвы наши, не отвернулся, уладил всё надлежащим образом, – положил руку на плечо геолога.

– Уладил, да ещё как уладил! – подтвердил Свиридов.

В этот же день Новицкий, посоветовавшись с Карпухиным и Свиридовым, сообща пришли к выводу – застолбить среднюю часть долины Накатами, немногим не достигая устья речки, представлявшей собой самые богатые по пробам. Если понадобится в дальнейшем, так расширить границы отвода не составит труда. К рытью ям, заготовке столбов и их установке по периметру водораздела приступили. Рабочие, не жалея сил, старались выполнить порученное задание на совесть. В местах, указываемых Карпухиным и Свиридовым, рыли глубокие ямы, тут же выбирали подходящие для столбов деревья, рубили, ошкуривали, делали с одного конца гладкие затёсы, на них вырезали ножом фамилию купца, порядковые цифры и даты установки, другой конец опускали в яму и закапывали с каменным бутом. Новицкий подошёл к одному из столбов, погладил рукой, затем ударил по нему кулаком и торжествующе изрёк:

– На века!

Что говорить, столбы действительно ставились накрепко.

Карпухин скрупулёзно засекал на плане точки установки столбов отвода, а их числом немало – угловые и промежуточные – створные, старался детально отобразить действительное, истинное их положение на местности в долине Накатами, сделал привязку к устью в слиянии с речкой Бодайбо. Всё выверил досконально, допустить ошибку – это не в его характере.

– Что ж, Иван Фёдорович, коль абрис отвода сверстали, так поспешать надобно заявку подать, уж как поспешать и купца порадовать, нарочным сам повезу. – Новицкий задумался и продолжал: – Но и потребность одну, не менее важную, без внимания нельзя оставить. Наказ пред дорогой мне давал Михаил Александрович застолбить землю под будущую резиденцию, если золото обнаружим. А оно вот, под ногами нашими.

– И где же прикажете, милейший, руки и знания к тому приложить? – поинтересовался Карпухин.

– Часть берега Витима при устье Бодайбо, так получается. С размахом купец дела развернуть намерен, заложить желает перевалочную базу, чтоб обросла складами, амбарами, лавками и заезжими дворами, а там и заготовкой сплавного леса, дорогу до прииска выложить, наёмный

люди появятся, гужевые повозки, зимой сани груза потянут, с умом расклад задуман. Реки Лена и Витим – в том помощники неоценимые станутся, водой и чёрта в тайгу доставить помогут.

– Как наказывал, так и поступим, воле Сибирякова не вправе отказать, способствовать предназначены. Ай да размах купеческий, да сколь же средств на это выложит, тьма! – удивлялся Карпухин.

– Не переживайте, купцы деньги считать умеют, а тут выгода прямая, так с лихвой затраты окупятся, не допустят убытков.

– Окупятся, – повторил Свиридов, – кто бы сомневался. Далее-то как поступим, если две надобности возникло?

Новицкий ответил сразу, видимо, обдумал всё заранее:

– Вы, Степан Ильич, останетесь с тремя тружениками, пускай под вашим началом избы рубят для стана, под будущий прииск, сами меж делом речку крепче изучите, детальней разведаете, чтоб к приезду горных инженеров всё в ясности выглядело.

– Выходит, вы с Иваном Фёдоровичем и одним рабочим до Витима отвод под резиденцию образуете, а там далее в длинную дорогу, с подачей заявок на два отвода.

– Выходит так, Степан Ильич, а иначе как?

– А кого из рабочих за собой?

– Думаю, в помощники прихватим Огородникова. Молодой и крепкий, силой Бог не обидел, к тому же и натаскал его Иван Фёдорович кое-какому умению, справится с установкой столбов отвода, а надо – так и якутов подрядим, угостим табаком и водкой, всё, что накажем, выполнят. Как завершим, покинем с Карпухиным устье Бодайбо, оставим Огородникова при земельном отводе, пришлю под его начало людей наёмный, пусть обустроят.

– Будущий прииск как назовём? В отводе указывать потребно, – напомнил Свиридов. – Пару щитов с написанием изготовим, на видном месте в нижней и верхней части отвода закрепим, чтоб всякий проезжий путник видел, а то и искатели золота стороной обходили.

– Коль Господь подал нам удачу, и весть благую купцу доставим, так и назовём – прииск Благовещенский. Как на слух, гоже?

– Вроде к месту. – Карпухин глянул на Свиридова, и тот поддержал: – Для ушей красиво звучит, думаю, и купцу по нраву придётся.

– Так тому и быть – прииск Благовещенский! – довольный принятием названия объявил Новицкий. – Прежде как отъедем, так оставим вам почти всю часть продуктов, с собой возьмём самую малость, заряды для вашего ружья отложим, будет чем мясо добывать и от зверя какого защититься, а то и бродяжных негодяев отогнать. А там уж к осени и отряд с провизией придёт, на зимовку останутся, с весны горные работы начнут, в этом сомнений не вызывает. Купец расклад выложит, вполне и сам прибыть пожелает.

– Если люди купца Немчинова случаем забредут, столбы отвода приметят, вопросы выскажут, так на то ответа не получают, ни к чему их любопытство удовлетворять, – заверил Свиридов.

– Правы, Степан Ильич, пускай исходит позднее, после подачи заявки. А там молва сама по себе полетит до самых окраин Иркутской губернии, и не только, а дальше семимильными шагами помчится. А пока для пытливых ушей, ну, застолбили, и всё тут, вроде как перспективу наметили. Мы же стороной объедем стан Немчинова, ни к чему с ними речами обмениваться.

– Пока до зимы, так поиски не оставлю, попробую с мужиками прощупать приток какой-либо.

– Оно и правильно, кто его знает, вдруг обнаружишь, так столби, а по весне следующего года Карпухин обмеры сделает. В таком разе ещё выше поднимешься пред Сибиряковым. О, он уже известно как отблагодарит! Одним словом, удачи тебе, Степан Ильич, и не хворай!

9

Однако скрыть до подачи заявки от сторонних глаз и ушей открытие золота в отводе купца Сибирякова всё же не удалось. Вездесущих очей и смекалистых умом хватает, и слухи обрастали с невероятной скоростью. И начало положил этому один из рабочих со стана Немчинова, бродивший по правой стороне Накатами и наткнувшийся на заявочный столб отвода Сибирякова, перешёл речку, а подкравшись к стану Новицкого, подслушал разговор его обитателей. Не стал, хитрец, открываться пред ними, а вернулся к своим и поведал об увиденном и услышанном. О чём прознал, по прибытии по весне Корнеева, немедля доложил ему, а тот поспешил доложить посредством письма до Немчинова и сообщением другим зажиточным друзьям. Догадки и домыслы становились истиной, потекли во все стороны, что сразу привело к более активным действиям в поисках золота по Бодайбо и особо по Накатами ряда иркутских купцов. И в первую очередь был удивлён и огорчён Яков Немчинов. Как же так произошло, вблизи его отвода обнаружили золото, да какое! Под самым носом посланная им разведка не дошла до речки Накатами, а она всего-то в двух с половиной вёрстах! А тут побывал отряд Сибирякова, им повезло, и стали первооткрывателями золотых песков, теперь затвердил отвод и прииск Благовещенский. Вот же влез, глубоко впился корнями Сибиряков. Это ж надо! Ну и ловкие люди у него оказались, смышлённые, возьми их дьявол, и удачливые.

Не замедлив, Немчинов тут же оформил заявку на прииск, в границах отвода по речке Бодайбо, ниже устья Накатами, того самого, который посетили до недавнего времени казак Новицкий и его компаньоны. Теперь не сомневался, эта часть русла покажет золото. Название дал, исходя от своего отчества, – Андреевский. Выслал отряд для разведки иных участков по Бодайбо и её притоков.

С активностью бросились и другие иркутские купцы – Иван Баснин, Иннокентий Трапезников, Иван Базанов, Иван Хаминов, да несколько иных личностей из числа зажиточных предпринимателей, однако последних теснили именитые магнаты, располагавшие куда более солидным капиталом.

С быстротой, со спешкой и нервозностью купцы старались опередить друг дружку в оформлении горных отводов под прииски по речке Накатами, положив начало в примыкании к отводу прииска Благовещенского. Доверенные лица и их пособники неустанно в поисках, копке шурфов, взятии проб и их промывке, установке горноотводных столбов. То же творилось и по руслу Бодайбо – столбили отводы, примыкая к прииску Андреевскому вверх и вниз по течению. Разведка золота расширялась и поражала очевидцев своим размахом.

«Вот уж лихорадка золотая, вот уж обуяла всех окаянная!..» – иной раз то ли от восхищения, то ли от недовольства были слышны восклицания среди поисковиков и их хозяев.

Вразумив дальновидность Сибирякова в выгоде иметь резиденцию с обустройством потребных построек, золотоискатели взялись и за отводы земель при устье Бодайбо, также начав соперничество и делёжку берега Витима, примкнув к заявленному отводу купца Сибирякова. Каждый желал иметь свой выход к воде, дабы не набиваться к Сибирякову на аренду, не платить ему мзду. Своё есть своё! Своя контора, свои пристань, амбары и склады. При межевании береговой полосы особых споров не допускали, договаривались, не ущемляя интересы соседа.

Спустя время якуты, видя, как меняется положение у устья Бодайбо и на всём протяжении её долины, снялись и покинули обжитое место. Ушли вглубь тайги с табуном оленей и собаками вверх по течению Витима, разбив стойбище в нескольких десятках вёрст на одном из притоков реки. Вроде приток тот – речка Энгажимо. Но знал ли кто из якутов, что и этот кусочек сибирской долины они будут вынуждены покинуть. Их потеснят пришлые люди, занявшись

рубкой леса и его сплавом до резиденции Сибирякова и других купцов. А также на Энгажимо найдут жёлтый металл и возьмутся мутить её воды промывкой золотосодержащих песков.

Удел якутов там, где чистые речки и ключи с рыбой, и тихая никем не потревоженная тайга, богатая дикими копытными животными, пушным зверем и дичью, ягодой, шишкой и кормами для оленей – ягелем и мхом. Одно успокаивало якутов – сбыт дикого мяса, рыбы, пушнины и собственной оленины не затруднится – резиденция не так уж далеко, зимой можно добраться оленями на нартах, а там, в лавках, на вырученные деньги или путём обмена можно восполнить запасы провизии, пороха и свинцовых зарядов, а равно ножей и ружей.

Но это будет потом. А пока здесь, на Витиме, у устья Бодайбо, всё так, как есть, – безмятежная тайга и три человека устанавливают столбы под земельный отвод на имя купца Сибирякова. А якуты с удивлением поглядывают на каждодневную суету прибывших людей. Недоумевали, чем увлечены русские люди? Вышагивают туда-сюда, прорубают меж деревьев и кустарника визирь, вымеряют удивительными штукovinaми землю, прилегают к ним лицом, щурят глаза, пишут, чертят бумаги, и так изо дня в день.

Новицкий им раз пояснил, показав на Карпухина, мол, топограф рисует карту, не волнуйтесь, всё, что делается, не коснётся стойбища. Вроде и успокоил, но чутьё якутов подсказывало другое, и оно в дальнейшем их не подвело.

В ночлеге якуты троим русским не отказали, тем паче один чум пустовал. Примитивный кров обрёл жильцов, здесь место отдыха и свой очаг для приготовления пищи.

Земельный отвод под резиденцию получил название Стефано-Афанасьевский, так велел Сибиряков, если дойдёт до этого.

«Помни, Иван Данилович, – наказывал Сибиряков, – если обнаружите золото в речке Бодайбо, то отводу резиденции имя дай Стефано-Афанасьевский».

Почему так, Новицкий не уточнял.

Отвод представлял собой прибрежную границу вверх по течению Витима от устья речки Бодайбо на дистанцию ровно в одну версту и шириной сто сажень, где больше, где меньше. Столбы ставили по всему периметру из добрых стволов древесины. Карпухин тщательно делал промеры от береговой линии Витима, вносил их положение на абрис, столь потребный к подаче заявки на отвод.

Никита уставал от напряжённой и спешной работы, хотя и привлекли двух якутов для рытья ям под столбы и их установки. «Огненная вода» – водка, себя оправдала – работали они на совесть. Никита ошкуривал лесины, на каждой делал гладкие затёсы, на них вырезал ножом порядковый номер столба, дату и фамилию хозяина отвода – Сибиряков М.А. К этому он приноровился при установке отводов на речке Накатами. Много сил отнимала проходка визирных просек – столбы меж собой на всём протяжении должны чётко просматриваться, топор просил ежедневной заточки. Но и меж усердием выкраивал минуты воспользоваться тем или иным прибором Карпухина.

Якуты, что вызвались помогать Огородникову, с удивлением наблюдали, как Никита на ошкуренных столбах, сделав затёсы, старательно вырезал на них ножом цифры и буквы. Любопытство взяло верх, спросили:

– Зачем дерево царапаешь, знаки ковыряешь?

Никита деловито объяснял, мол, это столбы особые, означают, кто теперь хозяин полосы земли, прилегающей к Витиму, а посему они должны стоять с проставленными номерами и фамилией владельца.

– Так и наше стойбище в устье Бодайбо окружи столбами, это наша земля, старики наши первыми тут заняли, – просили якуты.

– Нет, того сделать никак не можно, на то власти, – Никита поднимал палец вверх и добавлял: – супротив будут, накажут за своеволие.

Якуты недоумевали: как так, пришлые люди столбят землю – и их не накажут, а если они столбами обозначат стойбище – попадут в опалу?

«Одним можно, другим невозможно?..» – недоумевали таёжные аборигены.

В один из дней отужинав олениной, присели пить чай. Дым очага поднимался над чумом, а лизнув его, растворялся среди сосновых лап, и всё новые и новые порции едкой сизости непрерывно повторяли его витиеватое направление, придаваемое слабым ветерком. Огонь метал светящиеся золотистые искорки, чуть отделившись от горящей древесины, они тут же гасли. Костёр кидал отблеск света на лица Новицкого, Карпухина и Огородникова, они выглядели у них цветом чищенной меди.

Сумерки сгущались над стойбищем.

Новицкий, глядя на очаг, коснулся своего детства, как и чем занимались предки. Дед служил в казачьем полку, участвовал в Отечественной войне двенадцатого года, сражался с войсками Наполеона, отец – сибирский казак, занимал пост подьесаула. К казачьей службе батька приобщил и сына. Сложно в ученье, но осилил и дослужился до сотника.

Карпухина затронутая тема окунула в былые годы, и поделился прошлым временем. Детство и юные годы прошли иначе от казачьей жизни. Он из дворянского сословия, и отец с матушкой желали, чтобы сын поступил в привилегированное учебное заведение и получил достойное образование. Склонность проявил к географии и составлению карт, наблюдал за работой топографов, и страсть как захотелось вникнуть в это мастерство. Отец поддержал желание сына, и он закончил университет. Иван Фёдорович самостоятельно начал трудиться на Урале, побывал в Азии, а уж потом оказался в Иркутской губернии. Изыскания различной надобности, инструментальная съёмка, тригонометрические расчёты и картография заняли его целиком, и не жалел об избранной профессии. Совершенно случайно пригласили в поисковый отряд на далёкий водораздел реки Лены, и он не раздумывая согласился, это же новый, неисхоженный, неизведанный край, полный загадок, а значит, привлекательный и полон приключений.

Карпухин рассказал, как, будучи на Урале, он чуть было не утонул в болоте. Вроде и не особо глубокая трясына, а завяз крепко. Вонючая жижа так влачила вниз, будто кто с силой тянул за ноги, ужас охватывал душу, а разум просил о помощи, да где там, кругом ни души, только окружали встревоженные лягушки и болотные испарения. Но всё же выбрался, с трудом дотянувшись до ветки рядом стоявшего деревца, если б сломалась, оборвалась, вышла бы гибель. Местные жители тогда подметили, мол, не кто иной, как кикимора – злая маленькая горбатая старуха, пыталась увлечь молодого человека в своё царство, да ангел-хранитель не позволил – рядом оказался. А там хоть верь, хоть проверь, на самом ли деле кикимора взбесилась или иная неведомая тварь?

Никите вспомнилась Нюя, болото, где натерпелся страху, и он не замедлил озвучить эту историю собеседникам.

Однажды пошёл один на охоту на озёра, это четыре версты от села. Озёр несколько: одно, Тенгелиях, размером в две версты, и впадает в него ключ, а по обе стороны два малых, одно другого меньше. В водоёмах уток в сезон всегда можно было настрелять. Наступили ночью холода, самая пора охоты, успеть, а то днями снимутся, клином выстроятся и улетят на юг. Дошёл до озера, что самое меньшее, длиной в треть версты, приблизился к зеркалу воды, а в камышах кряканье. Подкрался и стрельнул по стае. Повезло, кучно легла дробь – четыре селезня оказались в котомке. Удача! Есть чем порадовать отца с матерью и сестру накормить, уж как она любила жареную птицу! Но тут внезапно погода сменилась, налетел ветер, собрал тёмные дождевые тучи, разразилась гроза. Молнии сверкали и метали десятки огненных стрел, будто облака сражались меж собою, иные пики достигали земли, от одной расщепило могучий кедр, он загорелся, но и тут же погас от сплошного ливня, падающего с небес. Громыхало и шумело, деревья чуть ли не клонит к земле, дождь вмиг Никиту промочил насквозь, а мощные

порывы ветра пытались сбить юношу с ног. Возвращаться – продрогнешь, шагать местами по глинистой почве и скользкой траве – в таком кошмаре дело нешуточное, невозможное. Никита знал, в устье ключа впадающего в Тенгелилях стоит зимовье, скорее туда, укрыться, развести огонь в печурке, обсохнуть, переждать непогоду. Преодолев половину версты, Никита достиг лесной избушки. Она невелика и ветхая, но главное – кров над головой, вот и приют для путника, застигнутого врасплох ненастьем. Свои спички намокли, он отложил их в сторону, пошарил по полкам, нащупал спичечный коробок, взял в руку, потряс, спички отозвались шуршанием, и это придало радость. Имелось и несколько поленьев, ножом настругал лучинок, и вскоре в печке заиграли языки пламени, избушка задышала комфортом, а мокрый и уставший Никита обрёл тепло. Блаженство, когда тебя не тревожит непогода, не донимает сырой ветер, тебя защищают стены, пусть из не добротного возведённого крупного леса, а срубленные из неделовой древесины, всё же это зимовье, но в нём слышишь живое дыхание огня в печурке.

Смеркалось. Ночь наступила так же внезапно, как и налетевший ураган, сопровождаемый грозой, громом и безудержным ливнем. Облачившись в сухую одежду, Никита почувствовал себя в порядке, в блаженстве прилёг на нары, смотрел на сушившуюся над печью обувь, разглядывал внутреннее устройство избушки и удивлялся работе человека, когда-то искусно собравшего её из местного леса, скрепив брёвнышки стен и перекрытие ровными рядами. Взгляд скользнул на махонькое окошко, за ним темень и продолжал лить дождь, не переставая, но уже с меньшей яростью сверкали молнии, раскаты грома удалялись, уменьшив свою силу. Вдруг возник гул, он приближался и нарастал, перешёл в вой со свистом, чередовался необъяснимым визгом.

Тайга от сильного ветра зашумела и застонала, буран бил по стенам и трубе избушки, того и гляди разрушит конструкции. Казалось, тысячи ведьм собрались и устроили шабаш, ударили помелом по деревянным ступам. Рокот то спадал, то стихал, то с новым порывом поднимался, сотрясая и без того шумное представление.

Что-то начало неистово колотить по крыше зимовья. Никита всполошился, испуг охватил душу. Не понимая, что это может быть, поднялся с нар, закрыл дверь на крючок, прислушался. Новый, и более сильный удар, потряс избушку, она чуть скрипнула, звуки усилились, сопровождались ужасным оханьем и воем, удар за ударом. Страх сковал Никиту, но любопытство пересилило. Взял в руки ружьё, открыл настежь дверь и выстрелил в темноту, всё разом стихло, будто тот, кто устроил разгулье над избушкой, исчез или издох. На самом деле это лишь было кратковременное затишье, и Никита заметил метнувшуюся чёрную тень, схожую с чудовищем, она зловеще рыкнула, застонала, издала дикий хохот. Никита сделал второй выстрел, демон на мгновение смолк, потом издал хрипучий визг и пропал. Гроза ушла за сопки, дождь прекратился. Никита закрылся в избушке в смятении. Страх от увиденного монстра и его ужасной буйности страшил и угнетал. Спустя четверть часа пришло некое успокоение – остался жив, а наступившая тишина вселила надежду, что жуть не повторится. Сон не шёл, провёл часы в напряжении, а утром, выйдя из зимовья, заметил покосившуюся печную трубу и загнутую кору бересты, служившей покрытием крыши. Всё это Никита поправил, трубу выпрямил, закрепил бересту на крыше – приютила изба, так и починить надобно.

Дома Никита в точности пересказал случившееся. Отец внимательно слушал, а мать непрестанно крестилась и шептала молитву, поглядывая в угол избы на образа. Данила Митрофанович предположил не иначе лешего, тем, кто разгневал или больно ущемил в его владениях, так свою злобу и выказывал, страшал. Наказал сыну не ступать ногой более к озеру, с тех пор и не посещал Никита тех мест, и, наверное, не напрасно – через год селянин пропал у этого озера, то ли случайно в нём утонул, то ли кто помог, то ли кто унёс неведомо куда, никому неизвестно – тайна, покрытая мраком. Жители грешили на нечистую силу. Прибывший судебный пристав для расследования случая расспрашивал людей, собирал сведения, вещественные доказательства, посетил в сопровождении двух мужиков озёра, от бессилия разобраться пока-

чал головой и покинул село. Событие это так и запало в память Никите. Старше стал, силу почуял, хотел было посетить озеро, понять таинственность, но, помня наказ отца, не позволил огорчать его своим непослушанием, а вскоре и на золотые промыслы потянуло.

– Стало быть, будучи юношей, натерпелся страху, ни приведи господь к таким ужасам. – Новицкий перекрестился, покачал головой.

Новицкий, минуту помолчав, переключился к делу, обратившись к Карпухину:

– Вы, Иван Фёдорович, уж постарайтесь всё в правильности отвод обрисовать, чтобы комар носу не подточил, сами знаете, чиновники обнаружат ошибку при приёме заявки, так завернут бумаги.

– Не сомневайтесь, топография – наука точная. И шагомером, мерной лентой промерено и алидадой засечено, благо рельеф местности позволил – без холмов и косогоров. Расчёты показали среднюю ширину оформляемой земли под резиденцию сто одна сажень и два фута, отсюда и площадь участка вышла пятьдесят тысяч восемьсот пятьдесят квадратных сажень.

– Площадь меньшим числом в сравнении с огороженным горным отводом Накатами, но и здесь смотри каковы тысячи! – восхищался Новицкий.

– Привязка столбов, будьте спокойны, выполнена пунктуально, претензий не последует. К тому же управа в любом случае направит своих землемеров для удостоверения межей, глядишь, к концу года и утвердят оба отвода.

– Ну и ладно, славно поработали, дело за немногим осталось – доставим бумаги заявочные, а там уж полицейская управа примет, занесёт в реестр, закрепит как положено. Есть чем обрадовать купца нашего, есть, Иван Фёдорович!..

10

Новицкий с Карпухиным и Огородниковым уехали. Свиридов же, не откладывая, организовал мужиков перво-наперво к работам по подготовке к зиме. Минует два с половиной месяца, начнёт холодать, там жди белых мух, а далее морозы, ледостав, всё накроет белое покрывало. А какова зима в Сибири, об этом не понаслышке, а на себе каждый испытал. Готовься, зима спуску не даст.

Пилы подправлены, топоры наточены, лес рядом, было б желание применить руки. А желание есть, оттого, что нужда заставляет. Дружно взялись за бревенчатые срубы, их утепление, устройство печей, заготовку дров.

Всем троим работягам не в диковину, знают с малых лет, как подойти и с какой стороны к таким делам. Трудились с энтузиазмом, без споров, а с советами, короткими шутками и малым отдыхом.

– Главню, два зимовья первые поставить. Одно для нас, второе, Степан Ильич, для вас, – предлагал Крапивин.

Свиридов отреагировал:

– Ещё чего выдумал. Построим пока одно зимовье, но просторное, добротное, обустроим его для проживания всех четверых. Не станем дрова жечь на две избы, не рачительно. Да и хором дни и ночи зимние коротать веселее, в тесноте, но не в обиде, так говорят на Руси. Время позволит, поставим второе или заготовим лес для будущих построек, складировем, зимой можно будет для разрядки и топорами потюкать, не лежать же целыми днями, бока мять.

– Коль так, то верно подмечено, не до жиру ноне, время поджимает, да Степан Ильич норовит до снегов верхние притоки Накатами прощупать, – подал голос Парамонов.

– Хотелось бы, – кратко подтвердил Свиридов.

– Уж извиняйте, Степан Ильич, геолог вы знатный, а плотник никудышный, а посему прок от вас не шибко, сами справимся. И зимовье построим, обустроим и дров потребным числом заготовим, лесу строительного навалим в достатке. Так, мужики? – предложил Крапивин, воткнул топор в бревно, приготовленное к ошкуриванию – снятию коры.

– А чего, верно сказывает Петро. В самом деле, Степан Ильич, мы работяги, нам и труд понатужней на пуп. А ваш удел знамо каков, то всем в пользу обернётся, – добавил Парамонов.

– Так, так, воистину так, – поддакнул Федусов.

– Видал, что выложили, ай да советчики! – рассмеялся Свиридов. – Значит, увольняете меня, отстраняете? Кто ж тогда здесь меж нами старший, я или из вас кто? – продолжал смеяться Свиридов.

– Ведомо, кто начальник, и гадать не след, оно вы над нами поставлены, вам и решать, – смутился Парамонов (не лишнего ли наговорили, всё же из господ геолог и крови иной).

Свиридов сделался серьёзным, глянул на мужиков и сказал:

– Останусь всё же в подмогу вам, подмастерьем. – Одними губами ухмыльнулся. – А меж делом притоки Накатами разведая. Надеюсь, какой-нибудь порадует. Есть в том надежда и покою не даёт.

На том и порешили.

Устья притоков Догалдын и Аканак выше стана и недалече – в двух-трёх верстах, ногами можно дорогу мерить. Сливают они свои воды в Накатами, один с левой стороны, другой – с правой. Свиридов через каждые два-три дня ходил до притоков, на себе нёс ружьё и туес с едой. Меж этими днями помогал натаскивать глину, месить её для печи и трубы, на перекрытие зимовья, колол дрова из напиленных мужиками чурок.

Не раз Парамонов при поддержке Крапивина и Федусова предлагал Свиридову свои услуги копать шурфы, извлекать породу для проб, но получал отказ, ссылаясь, чтобы не отвлекались, занимались строительством и заготовками.

Только в первый день Крапивин помог Свиридову унести лопату, кирку и промывочный лоток до места поиска золота, дабы не таскать инструменты каждый раз. Они оставались у берегов притоков, где геолог наметил поиски, приходил, извлекал пробы и тут же промывал, делал пометки в журнале.

Однажды Свиридов принёс глухаря. Мужики удивились столь крупной дичи.

– Во как! Степан Ильич, теперь стол поменяем, а то рыба да мясо дикое, а тут птица!

– Эх, была бы проволока, так и другое попробовали, – сожалел Парамонов.

– Чего другое? – удивился Федусов.

– Зайчатину. Петли бы на ушастых поставил.

– Чего не имеем, того нету, оно и так не голодные.

Каждый раз, когда Свиридов возвращался, мужики не могли понять его настроение, а спросить, находит ли он хотя бы значки, не решались. Так продолжалось с месяц.

Но однажды он пришёл и оживлённо выдал:

– Ну, мужики, ликуйте! Не подвела меня интуиция.

– Неуж обнаружили?..

– Неуж отыскали?..

– Ох и фартовый вы, Степан Ильич.

Понеслись восторженные голоса станových работяг.

– Отыскались, да не хуже застолблённых. Не хуже! – ликовал Свиридов. – Давайте-ка, ребятки, отвлечёмся, столбы заявочные установим, да не мешкать!

Кто же будет против, да тут и так понятно – не мешкать, спешить надобно огородить границы будущего горного отвода, это же дополнительный прибыток!

На рытьё ям, подготовку столбов, резку на них потребных данных, рубку визирных просек меж столбами силами четверых ушло около десяти дней. Уходили почти с рассветом, возвращались поздними часами. Благо не было в эти осенние дни дождей.

– Замечательно! Замечательно! – громко говорил Свиридов, любуясь и хлопая ладонью по одному из установленных столбов по завершении дела. – Вернётся Иван Фёдорович, ух, как удивится, обрисует отвод надлежащим образом, а там и заявку оформит.

– Куда более Сибиряков удивится, возрадуется, – заметил Парамонов.

– Прав ты, Кирилл, кто ж спорить станет, возрадуется. – И опять стал восторгаться находкой:

– Я знал, знал, в притоках Догалдына и Аканака должно быть золото! Оно и есть, да какое!..

Свиридов в эти минуты выглядел словно ребёнок, которому внезапно подарили что-то необычное и в то же время весьма желанное.

– А Новицкий тоже прибудет? – поинтересовался Парамонов.

– Не знаю, вряд ли. После такой находки, что застолблены, Сибиряков справит ему должность, думаю, знатную. В гору пойдёт Новицкий!

– Да-а, – протянул Федусов, – это так, воистину так.

Сентябрь, прохладно, но в зимовьях находиться не хочется – ещё назимуемся, а главное – нет ни одной мелкой кусачей твари – ни мошки, ни комаров, закончилось их время, – рассуждали становые.

За ужином сидели все четверо у костра, пили чай, говорили о том, что пережито с начала похода от Олёкминска до речки Бодайбо, о найденном золоте на Накатами, о предстоящей зиме, слава богу, врасплох не застанет. Натрудились все, теперь душа просила отдыха, он впереди – зима длинная.

Новую тему разговора завёл Парамонов:

– Вот вы, Степан Ильич, учёный...

– Да какой я учёный, просто рядовой геолог, – перебил, улыбаясь, Свиридов.

– Всё одно высокой грамоте обучены, начитаны. Так скажите, был ли Всемирный потоп али враки, сплетни? А ежели был потоп, как всё возвернулось?

– Сложный вопрос. – Свиридов улыбнулся (надо же в чём любопытство проявляет). Отхлебнул несколько глотков чаю из кружки и принялся пояснять: – В Библии ответ даётся. Не читали разве?

– Нет, на то грамоте не обучены, по бумаге-то пишем вкривь и вкось, спотыкаясь, какую следом букву выводить, а вы про книги.

– В шестисотый год жизни Ноя, а это человек без грехов, с наичестнейшей душой, за что весьма слыл любимым Богом, оный Ной учил, мол, строй большой ковчег и чтоб на плаву способен был держаться крепко, непотопляемо. Посадишь на него своих домочадцев, дам тебе каждой твари по паре, имел в виду разных разнополых птиц и животных, их тоже погрузишь на ковчег, запасись пропитанием надолго и жди. А ждать долго не придётся, случится непредвиденное затопление окружающего мира, все грешники уйдут вне бытие, сметёт вода всё живое. Так Ной и поступил – сделал, как велел Господь. Открыл Бог небесные окна, и полил ливень ужасной силы, лил сорок суток непрерывно, затопила вода всю Землю, погибло всё, что росло, дышало и двигалось. Ноевский ковчег же оставался на плаву, цел и невредим. А ливень не смолкал сто пятьдесят суток, продолжая поднимать уровень воды и без того сверх меры. Вспомнил Бог о ковчеге и остановил проливные потоки. Когда вода спала, земля оголилась, ковчег осел на склоне горы, Ной и его семейство и все твари остались живы. После этого жизнь восстанавливалась по-новому – плодились, сызнова заполняя Землю.

– Неуж и вправду так? – встрял Крапивин.

– Вполне возможно, и была такая катастрофа. Тому косвенные подтверждения – в большинстве стран земного шара ходят мифы и легенды о грандиозном потоке.

– И всё же, истинная ли правда? – не отступал Крапивин.

Свиридов улыбнулся.

– Чего меня пытаться. Учёные мира не могут найти ответа, бьются не одно столетие, а вразумительно сказать, где правда, а где ложь, не получается. Сопоставляя что-либо, самому многое непонятно.

Поднялся, выплеснул из кружки остатки чая с заваркой и объявил:

– На этом, мужики, всё, довольно разговоров, на покой пора, завтра вновь рано подниматься. А байки зимой будем сказывать.

Костёр догорал, и нет надобности поддерживать огонь, поисковиков ждали нары в зимовье и крепкий сон.

Месяц пролетел в заботах и ждали зиму.

И она пришла, пришла неожиданно. Октябрьской ночью выпал снег, днём он уже не растаял и не было предпосылок к его исчезновению. Сопки, покрытые снегом с полмесяца назад, ранним утром выглядели серо-голубыми, а днём ослепительно блестели на солнце, ели и сосны приняли на свои игольчатые лапы тоже снег, от тяжести ветки пригнулись, снежинки сверкали и перемигивались, словно изумруд. Панорама удивительно сказочная. Всякое время года имеет свою привлекательность, успевай наслаждаться.

В зимовье тепло, печь привлекает себя потрескиванием поленьев.

Сидя на скамьях у стола, зимовщики обедали, вели разговоры. В котелке оленина (забили зверя намеренно), она в подсоленном бульоне, с аппетитным парком, рядом чайник, но до него пока очередь не дошла, все работали ложками, употребляя наваристый бульон в прикуску с мясом. Оно нежное, можно кусать губами.

– Разве поешь бывало такое в нашей деревне, где там, картошка, крупа, коврига хлеба, если разжился – вода или квас, и то не у всех, – вздохнул Парамонов.

– Кто богат, и сало на столе имели, молоко пили, в моей избе ни того, ни другого не было, – подхватил Крапивин.

– Про то я промолчу, тоже не видел сызмальства. – Федусов мельком, без злобы, но с укором или завистью, глянул на Свиридова, мол, а он-то как, поди в сытости рос, потому и учение принял, в уважаемые люди выдался, среди господ дружбу водит.

Свиридов успел поймать взгляд Федусова. И в этом взгляде он уловил и даже отчётливо понял, о чём сейчас думает Федусов.

И в самом деле, Илья молчком размышлял: «Мы, простецкие деревенские мужики, из-за бедности судьба забросила нас на олёкминские прииски, гнала нас жажда заработать денег, притушить нищету. А получалось, работали, а денег от добытого золота не видели, все уходило к хозяевам приисков, на пропитание и одёжку, держались на подачках, сводили концы с концами, а оттого и ни у одного из нас в карманах не водились рубли, кого там, редкий случай звенели гроши. Сижу здесь, пузо набиваю, радуюсь – сыт, и всю зиму так будет, а семья в нужде, впроголодь. Да разве ж это жизнь? А вот Новицкий, Карпухин и супротив сидящий Свиридов-то да, у них жизнь – и жёны, и дети сыты, одежда и обувь справная, заботы иные и к учениям своих чад определяют. Что им до нас, простого крестьянства? Боже милостивый, да когда это наладится, и наладится ли?.. Кто знает, может, найденное ныне золото поправит наши страдания, может смилуется Сибиряков, сдержит своё слово купеческое, или всем этим купцам веры нет?..»

– Что ж вы, мужики, о былом толкуете, что было быльём поросло, впереди у вас другая, совсем другая жизнь, и семейства иначе заживут. Сибиряков отвалит вам за службу исправно, в обиде не оставит, не тот он человек, не тот! – остановил Свиридов беседу рабочих зимовщиков, а равно и грустные думы Федусова.

– Да дай бог, дай бог... чтоб ваши слова да Богу в уши... – чуть ли не хором ответили работяги.

Котелок с бульоном и мясом опорожнили, поставили подогреть остывший чай. Федусов вертел в руках свою кружку и вдруг спросил Свиридова:

– А вы, Степан Ильич, какого роду-племени будете, из княжеского или дворянского?

Свиридов усмехнулся:

– Ни с того и ни с другого.

– Так не бывает, вы ж на государевом содержании и в уважении.

Здесь Свиридов не сдержался, засмеялся. Да, он не ошибся, взгляд Федусова именно и говорил о том, что его волновало больше всего. Смех отбросил в сторону и ответил:

– Коль любопытство о моей персоне взяло, так расскажу. – На минуту замолчал, вроде собирался с мыслями, и заговорил: – В тридцать восьмом году, двадцать четыре года назад, в России по всей Сибири были разрешены поиски и разработка золота на казённых землях частным лицам. Хочешь, иди отыскивай, нашёл золото – добывай, но про казну государеву не забывай, плати исправно и с прибытком. Жила наша семья без особого достатка, отца и заманило – а вдруг фортуна улыбнётся? Отправился он на поиски золота не в одиночку, а в составе поискового отряда иркутского первой гильдии купца Павла Герасимова. Так вот, перво-наперво отправился отряд исследовать долину реки Олёкмы и её притоки. На дворе шёл сорок второй год. В то же время ещё два отряда отправились на это же русло из Нерчинска. И что вы думаете, герасимовские первыми обнаружили золото. А в следующем году, в начале апреля, купец оформил на своё имя горный отвод и зарегистрировал его, как полагаётся, в Окружном Олёкминском полицейском управлении. Уважил Герасимов всех членов экспедиции – выплатил каждому по достойному вознаграждению. Воспрял духом отец и далее приобщился к поискам, познав его азы и пользу. Одним словом, увлёкся геологией, тому и

учителя добрыми рядом оказались, увидели желание познать, так с советами не скупилась. Многому научили, сам во многое вникал, самоучка, а знал не хуже дипломированного геолога. С головой отец окунулся в разведочное дело и меня наставлял, мол, езжай и учи ремеслу, геолог – это специальность даже перспективная. Снабдил меня деньгами, слава богу, благодаря усердию отца они в семье появились, и отправил в университет. Поступил в учение, а всё сомневался – а надо ли мне это, моё ли ремесло? А тут, будучи в университете, известие получил, с запозданием получил, в дороге задержалось. Погиб отец – сорвался со скалы...

Свиридов замолчал, сглотнул слюну, а вмиг справившись с волнением (рабочие это заметили), говорил далее:

– По понятным причинам на его похоронах я не был, так и остался в моей памяти живым, добрым. А после случившегося горя я себя утвердил – быть мне геологом! Наказ отца – дело святое. Закончил университет успешно, за усердие всем в пример ставили. Вернулся в Олёкминск, побывал на могиле отца. Мать в подробностях о его гибели рассказала. Сорвавшись со скалы и падая, ладно бы в реку угодил, вода бы удар смягчила и жив остался, так нет, обвалун прибрежный – и...

Свиридом замолчал, не хотелось далее говорить о печальном.

– Беда-то какая... – тихо промолвил Парамонов. – Не приведи господь. – Перекрестился.

– Где ж вы, Степан Петрович, свои первые навыки приложили? – спросил Крапивин, решив отвести угрюмые мысли Свиридова в сторону.

– Там же, где отец и хаживал – в верховьях Олёкмы, на её притоках – Бухта, Сватковка, Тенгуру. Купец Герасимов взял меня на свой прииск, по его протекции занимался поисками золота по всем притокам реки. Часть притоков открывали свои закрома, но содержание золота было малым, оттого и мало его добывали все прииски. Насчитывалось тринадцать горных отводов, да толку не очень-то было от них. Знаю, с тех приисков вы все трое, и Огородников так же. Чего говорить, вам и самим об этом известно. Карпухин в эти годы тоже на Олёкме работал, знающий своё дело специалист, абрисы составлял горных отводов, редкой души человек, не раз с ним пересекался. Не предполагали оба, что вместе окажемся в одном поисковом отряде Сибирякова. Предложил Михаил Александрович, сразу согласие и дали, где ж было не согласиться, коль жалованье не в той мере платили. Большие надежды он питал на успех, на Новицкого и на меня с Карпухиным. Слава богу, надежды купца и наши сбылись. Стало быть, заживём, мужики, заживём!

– Кто знает, заживём ли? На Олёкме купцы обещали обогатить нас, да на словах всё оказалось. Кто знает, не поступит ли так и купец Сибиряков? Все они, купцы, одинаковы, знай под себя гребут...

– А вот стой! – перебил Крапивина Свиридов. – Я же заверил вас: не тот человек Сибиряков, чтоб обмануть. Не тот! Не понаслышке знаю, слово крепко держит! Положит каждому с лихвой, ручаюсь!

– Дай бог, а то ведь веру во всё теряешь, – вздохнул Крапивин, в знак согласия Парамонов и Федусов закивали головами, вздохнули.

Наступила пауза, нарушил её Парамонов:

– Слышал, Олёкминск вроде как старинный, кто ж заложил его в столь отдалённой тайге, как случилось?

– Утверждать не стану, но отец рассказывал, наши далёкие предки были участниками походов под предводительством енисейского воеводы Петра Бекетова. Он заложил более двух веков назад Олёкминский острог, ныне ставший Олёкминском. Вот так, оттуда и тянется род Свиридовых.

Свиридов поднялся, взял в руки чайник, разлил чай по кружкам мужикам, налил в свою, отпил несколько глотков. И тут он вспомнил необычный взгляд Федусова до разгоревшейся

беседы, теперь он смотрел иначе – тёплым взглядом, уважительно. Решил Свиридов продолжить свои размышления:

– Я так скажу, твёрд я в том, что всякий, даже простой, человек – кузнец своего счастья. Одно мешает этому человеку на Руси, не дают ему свободы, ни душевной, ни физической, ни разум свой применить в полную силу во имя Отечества, притворяются, ущемляют, угнетают. А человек русский на многое способен, горы свернуть может. А так получается, поскольку препоны и ущемления, оттого и бытие этого человека скудное и в ущерб обществу.

Свиридов замолчал, задумался: «Не слишком ли ты, Степан Ильич, разговор откровенный с мужиками повёл? Режу словом, как есть. Ну а как иначе, если отец с матерью через это прошли, всего натерпелись, слава богу, сами в люди вышли, меня подняли...»

Раздумья Свиридова прервал Парамонов:

– Да, Степан Ильич, правду глаголите, слушать радостно из уст ваших истину. Знать, и среди господ имеются так же рассуждающие, за Россию и люд думающие, однако и им не дают простору.

– Довольно души бередить, чай пьём да на улицу – промнёмся. Мороз ныне незлой, так полной грудью подышим. – Свиридов вышел из-за стола, снял свою шубейку с гвоздя, накинул на плечи, на голову надел шапку. Мужики так же за ним. Все разом вышли из зимовья.

11

Яков Андреевич Немчинов безотлагательно по ранее поданной заявке на горный отвод по речке Бодайбо поспешно в его границах отмежевал землю под прииск, назвав его, как уже известно читателю, Андреевский.

Открытое на имя Сибирякова месторождение залихорадило иркутских купцов. Поисковые отряды, посланные ими на речку Бодайбо, встревожили тайгу, разбудили ударами топоров и шарканьем ручных пил – прорубали просеки, валили деревья для изготовления столбов под горные отводы, строили зимовья, прощупывали шурфами поймы рек, их притоков и долин.

Кто примыкал к отводам Сибирякова, иные отступали и захватывали часть русла Бодайбо выше и ниже по течению, столбили ключи, впадавшие в Накатами. Но и Сибиряков с Немчиновым не дремали, продолжали занимать всё новые и новые участки, спешили опередить появившихся соперников.

Словно грибы после тёплого дождя, росли отводы под прииски. Иннокентьевский, Ивановский, Успенский, Бодайбинский, Рождественский, Степановский, Утёсистый, да чего там, числом не хватит пальцев на двух руках перечислять названия.

На одно лицо, по всероссийским законам, не позволено более одного отвода, так купцы нашли уловку – отмежевывали земли на родственников, благо у каждого семьи имелись, так в основном на сыновей узаконивали. Не придерёшься и на вид не поставишь, потому как справная лазейка найдена.

Росли числом зимовья, превращаясь в рабочие посёлки, обустроивали участки, дальнейшая разведка россыпей стали во главу угла. Дело не должно затихать, люд нагнать и наряду с разведкой начать разработку месторождений, промывать породу, вернуть затраты и преумножить состояние.

Окрыляли купцов застолблённые прииски – их немалое число, но самое важное – золотосносные! Но и озаботились, уж больно далеки от трактовых и просёлочных дорог, тропы охотников, якутов и тунгусов, и те не везде, весь край – дремучая глубинка губернии.

Сам по себе вопрос и возник: как быть? Не откладывая, по весне, в Иркутске за одним столом переговоров и присели купцы. А заведомо зная, беседа пойдёт длинная, важная, так и стол ломился от питья и кушаний разных.

Прежде чем изложить разговор собравшихся на совет купцов, уместно ознакомить читателя с каждой личностью, дав кратко их словесные портреты.

Михаил Александрович Сибиряков – среднего роста, плотный, упитанный телосложением, чуть с залысиной, лицо округлое, концы усов удлинены и потому чуть свисают, обрамляя губы, средний размер носа, скулы широкие. Взгляд пристальный, оценивающий, в целом производил впечатление знающего себе цену человека, даже внешне в нём отражались его важность и состоятельность.

Яков Андреевич Немчинов – среднего роста, голова округлой формы, покрыта редкой растительностью, без усов и бороды, нос крупный, но и не сказать, чтобы особо, неспешный по натуре, вдумчивый, эрудирован, в карман за словом не лезет.

Иннокентий Никанорович Трапезников – ростом ниже среднего, лицо овальное, черно-волосый, бакенбарды переходят в усы и бороду, телосложением худощавый, выглядит как бы болезненным.

Иван Иванович Базанов – ростом ниже среднего, лицом овальный, лысый, без усов и бороды, губы в две узкие полоски, уши чуть оттопырены, взгляд постоянно думающего человека, умудрённого жизненным опытом, худощавый на лицо и не упитанный телом.

Иван Степанович Хаминов – высокий ростом, овальное лицо, даже чуть вытянутое, под подбородком волосяная растительность – полуборода и без усов, уши-переростки, но и не особо большие, взгляд, пристально всматривающийся вдаль, сосредоточенный.

– Вот не думал, господа, соберёмся такой когда-либо компанией, к тому же по делам золотопромышленным, – усаживаясь удобнее и пригладив правой рукой усы, произнёс Сибиряков. – Всё врозь да врозь, каждый по-своему разумеет над своей деятельностью.

– Правы, любезный Михаил Александрович, с пятидесятих годов поиски и добычу ведём в Ленской тайге, а всё недосуг сообща обсудить предметы нашего внимания, чего греха таить, норовим обогнать друг дружку, – усмехнулся в бороду Трапезников.

– Влекут золотые промыслы, где прибыль, туда любой предприимчивый человек и устремляется, не озираясь по сторонам, вот и мы с вами, – развёл руками Немчинов и обвёл взглядом присутствующих. – На речках Хайверга, Тонода, Угахан, Ныгри, по Желтухте все в отдалении участки друг от друга в нашем ведении и по сей день всяко и по-своему там золотишко моем. А ныне судьба свела нас на одной речке Бодайбо с её притоками, все горные отводы в одном русле. И окромя нас некие норовят долину обуздать, шмыгают чуть ли под нашим носом. Негоже терпеть, беспокоит сие обстоятельство и даже злобит.

– Это так, согласен и разделяю сие мнение. Однако пока в другом моё беспокойство – порознь каждый на свой прииск грузы и людей тянет, рачительность страдает, экономию упускаем. Сообща бы дело поставить, под затраты в складчину, для всех в одну сторону потребность имеем, а мы словно по басне батюшки Ивана Крылова «Лебедь, рак и щука». Тянем каждый в свою сторону, а нет, чтоб в одну упряжку и в одном направлении, а тут и выгода прямая, – высказался Базанов, провёл рукой по краю стола, лукаво улыбнулся, произнёс: – А почуют силу нашу сложенную те, кто норовит долину обуздать, так собьём имя спесь неуёмную до степени, чтоб в ноги кланялись с просьбой под крыло стать нашенское, лишать надобно таких самостоятельности в ведении работ.

– В таком разе уместно рассмотреть вопрос создания пароходства. Реки Лена и Витим судоходные, баржами везти грузы до резиденции в устье Бодайбо вполне даже приемлемо и крайне необходимо для приисков. Поначалу могу предложить выполнить рейсы своим частным пароходом с баржей до устья речки Бодайбо, где сосредоточены ваши, господа, резиденции, – предложил Хаминов. – Уверяю, судно добротное, до ледостава вполне может в текущем году выполнить три, а то и четыре рейса. В прошлогодней навигации пароход из Якутска до Мачинской резиденции доставил первые грузы и людей для золотодобытчиков Олёкминского и Мало-Патомского водоразделов, и желания велики тамошних приисков, во главе которых небезизвестные купцы Баснин и Катышевцев, представляющие «Ленское золотопромышленное товарищество» в продолжении доставлять для работ потребные материалы и продовольствие. Кстати, доложу вам, господа, рекомендация горного департамента имеется, в оба направления работу судоходства обеспечить. Таким образом, интерес в развитии пароходства и со стороны государства усматривается, будем разворачиваться, проявлять искусство.

– Читал в газетах, уважаемый Иван Степанович, про ваши успехи, – заметил Сибиряков. – Ранее вы и на реках западных стран участие принимали, так опыта в речном флоте набрались, а здесь, на Лене и по Витиму, вам и карты в руки продолжить дело с умением. Развитие горных работ на речке Бодайбо нашими приисками обещает весьма заманчивую перспективу, так уместно было бы создать Компанию пароходства и готов вложить свои ассигнования.

– Поддерживаю, было бы действительно замечательно, создать пароходство, и оно весьма кстати и в этом, думаю, ни у кого сомнений не вызывает, – подхватил, оживившись, Базанов. – Тем более для вас, Иван Степанович, дело не новое и готов так же вложить и свои средства в организацию, подключиться к хозяйствованию таковой Компании.

– Кто ещё желает положить начало пароходству? – спросил Сибиряков. – Идея, даже очень подающая большие надежды, потому как потребуетя наряду с грузами осуществлять

и доставку завербованного народа, неизбежно придём к потребности увеличить и число пароходов.

Молчание длилось с минуту, и прервал его Сибиряков:

– Следственно, бумаги к утверждению с вложением ассигнований оформляем с названием: «Лено-Витимское пароходство Сибирякова и Базанова».

Трапезников, сделав несколько глотков чая из чашки, с особым подчёркиванием произнёс:

– Имеющийся на моём содержании пароход тоже выполнял в прошлом году рейсы до Мачи, и вы осведомлены об этом, а ныне при таком раскладе переориентирую его на перевозку грузов и людей по Витиму, в следующем году готов буду передать в созданную Компанию пароходства.

– Что ж, давайте, и я примкну со своими активами, дело общее и пароходство крайне необходимо, – встрепенулся Немчинов, думая, как бы не отстать, не оказаться последним в уже свершившемся сговоре купцов-единомышленников.

– Похвально, господа. Вижу, есть все предпосылки к увеличению числа пароходов и приумножению рейсов, это, вне сомнений, даст хороший результат. – Михаил Александрович легонько хлопнул ладонями по столу. – Очень даже удачно сообща разрешили вопрос. Как развернутся работы на приисках, появится прибыль, так будет иметь место приобрести ещё один пароход, увеличим объём перевозки грузов, товаров.

Одобрений или возражений на то ни от кого из купцов не последовало, задумались.

Паузу нарушил Трапезников:

– Упомянутый вами, Михаил Александрович, иркутский купец Громов – известный торговец мукой и чаем, имея пароход, ходит им по Лене, так что откроет магазин в Бодайбинской резиденции и будет доставлять продовольствие и до Бодайбинских промыслов, а не только до Олёмки.

– Громов освоился быстро в селе Витим, что против устья Витима, открыл несколько питейных заведений, склады для товаров, оборудовал на первое время примитивную пристань, – заметил Сибиряков.

– Село Витим стало перевалочным пунктом для людей, устремляющихся на прииски, вот и проявил предприимчивость, – мотнул головой Немчинов. – А ещё доподлинно известно, село гремит обманом, гульбой непристойной, разбоем, до убийств доходит, жуткие дела происходят, особо как возвращается рабочий люд с приисков, сорят деньгами, а то и краденным золотом, тут и окручивают их разного рода бестии и бандиты.

– Молва ходит, имеет место этакое безобразие. – Базанов кивнул головой и задался вопросом: – А каково население в селе этом?

– Основалось в тысяча восемьсот двадцать первом году, а ныне, как народ прознал о золоте на Лене, число выросло до трёх сот душ. Такими темпами и далее числом поднимется, – пояснил Сибиряков.

– У Громова намерения, слышал, и в поиски золота удариться по речке Бодайбо и иным ключам. Этот купец ко всему свои руки протягивает, – предупредил собравшихся Немчинов.

– Да разве только в нём дело, хватает таких, как Громов, а посему и укреплять нам следует связку нашу, – заключил Сибиряков.

– Бывал на Лене и Витиме неоднократно, удивлялся красотой этих рек, но какие они разные по характеру, – произнёс Хаминов.

– В чём же нашли вы, Иван Степанович, их различие? Просто одна протяжённее другой, – безразлично на то заметил Базанов.

– Э, нет, Лена величественная, спокойная, плавно несёт свои воды. Витим же задумчивый, я бы сказал, молчаливый, местами быстрый, свирепый в верхней половине течения, а с середины русла вниз течёт ровно, но словно угрюмый.

Сибиряков высказал своё мнение:

– Может, вы, Иван Степанович, и правы. И думаю, пройдут годы и люди, владеющие творческим пером, напишут романы об этих реках, и особо о Витиме и его золотоносных притоках. Кто знает, может, и наши имена будут упомянуты в тех книгах и нами впервые открытые прииски, и мир узнает, как всё и с чего начиналось.

– Вне сомнений, напишут, непременно напишут, – с убеждённостью согласился Немчинов.

Обед затянулся, перешёл в ужин до позднего вечера, и не предполагали, что несколько другим составом такое же затянувшееся заседание купцы проведут через год. И разговор пойдёт куда серьёзнее и выражающий общий интерес развернувшегося дела в создании двух золотопромышленных компаний: «Прибрежно-Витимская» и «Компания Промышленности». Но не пройдёт и двух лет, обе компании потеряют своего компаньона – купца Иннокентия Трапезникова из-за его кончины, что тут же повлечёт скупку его паёв. Купцы сольют обе компании в одну – «Компанию Промышленности», превратив её в крупную и влиятельную структуру на Ленских золотых разработках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.